

НЕМИРОВСКИЙ А.И.
УКОЛОВА В.И.
ИЛЬИНСКАЯ Л.С.

АНТИЧНОСТЬ
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

вся история
в одном томе

Александр Иосифович Немировский
Людмила Станиславовна Ильинская
Виктория Ивановна Уколова
Античность: история и культура
Серия «Вся история в одном томе»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66337674

*Античность: история и культура / А. И. Немировский, В.И. Уколова,
Л.С. Ильинская.: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-136678-0*

Аннотация

Особенностью книги является то, что авторы постарались уйти от привычного разделения античности на отдельные части, знакомые еще со школьных времен, – историю древней Греции и историю древнего Рима. Они синхронизировали процессы их развития, политические и культурные феномены, показали их глубокое взаимодействие и взаимопроникновение и тем самым раскрыли сущностное единство античного мира.

Лучше понять античный мир в его конкретике и повседневности читателю помогут фрагменты исторических источников в конце каждой главы и заключительный раздел книги, содержащий пояснения греческой и латинской терминологии и разного рода таблицы.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Введение	6
Глава I	11
Глава II	31
Глава III	52
Глава IV	75
Глава V	120
Конец ознакомительного фрагмента.	135

**Александр Немировский,
Виктория Уколова
Античность:
история и культура**

*Иллюстрация на обложке предоставлена фотобанком
«Shutterstock»*

© Немировский А. И., наследники, 2021

© Уколова В.И., 2021

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2021

Введение

Каждый, кому привелось посетить места античной цивилизации, не мог обойти вниманием обломки колонн. Они напоминают простертые к небу искалеченные руки, застывшие на века...

Примерно в таком же состоянии сохранилось некогда величественное здание античной культуры, которой посвящена эта книга. Наша цель – представить этот храм в цельном виде, во всех его элементах и на исторической почве, которая его породила.

Древние греки иногда заменяли колонны храмов мраморными фигурами женщин в восточных одеяниях – кариатидами. Согласно одному из данных в древности объяснений, в фигурах, поддерживающих перекрытие, увековечены обращенные в рабство женщины города Кария. Такую же роль в создании и поддержании великолепного здания античной культуры играло рабство. Мы намерены держать это в уме, не вдаваясь в проблемы рабовладения. Это наше право, ибо храм можно рассматривать с разных сторон, выделяя в нем то, что более интересно и менее изучено.

Один из прославленных архитекторов древности Пифей, создавший храм Афины в Приене и совместно со своими коллегами Галикарнасский мавзолей, писал, что зодчий должен быть сведущ в разнообразных искусствах и науках. Не

менее знаменитый римский архитектор Витрувий расшифровал этот круг эрудиции: история, философия, музыка, медицина, юриспруденция, геометрия, астрономия, механика, религия. Таким образом и тот, кто вместе с нами вступит в этот храм, в той или иной степени сможет получить некоторые знания по всем дисциплинам.

Каждый год отдаляет нас от античного мира, от его истории и культуры. И может показаться, что время неумолимо стирает их следы из книги богини памяти Мнемозины. Но если сравнить наши знания об античности с теми, какими обладали влюбленные в античный мир люди XVIII века, мы с радостью убедимся, насколько обширнее, богаче и глубже наши сведения и суждения. За два минувших столетия неизмеримо расширились источники познания античной истории и культуры, и не только количественно, но и качественно.

К XVIII в. вошли в научный оборот средневековые западноевропейские и византийские копии произведений античной литературы, размноженные с помощью печатного станка. В XIX в. в результате раскопок стали известны многочисленные документы и литературные памятники народов Востока, позволившие вывести античную культуру из изоляции и понять, сколь многим она обязана Вавилонии и Египту. Тот же XIX в. был столетием великих археологических открытий, давших огромное число надписей и первоклассных памятников античного искусства и быта, а также эгейского

искусства, предшествующего античности. В XX в. в распоряжении науки оказались сохраненные египетскими песками греческие папирусы с, казалось бы, безвозвратно утерянными произведениями классиков и перепиской официального и частного характера. Были открыты и прочтены произведения хеттской и угаритской литературы, равно как и памятники письменности Эгеиды.

Но этого мало! Современная чудо-техника позволила погрузиться на дно морей и озер, поднять затонувшие в древности корабли вместе с их грузом. Они не дошли к тем, кому предназначались, но неожиданно обогатили нас произведениями искусства, бронзовыми слитками в форме бычьей шкуры и бесчисленным числом амфор – древней тары. С аэростатов, самолетов и искусственных спутников Земли были зафиксированы древние караванные пути, пограничные укрепления, контуры древних городов. Компьютер позволил проникнуть в склепы, стены которых расписаны древними художниками, таким образом, что росписи и другие хрупкие памятники не разрушились от соприкосновения с воздухом, восстановить облик людей античного мира, реконструировать разные стороны жизни этого мира.

Далек от нас античный мир, если мы не дадим себе труда вдуматься в свое происхождение и понять, что без него не было бы и нашей цивилизации, которая пропитана культурными генами, значащими ничуть не меньше, чем кровное родство. Вот вы читаете эти слова, и в очертаниях букв, из

которых они сложены, встает подвиг создателей алфавита. А о скольких подобных подвигах вам еще предстоит узнать!

История античности – это не только далеко от нас отстоящая, но и сотни раз прочитанная едва ли не каждым человеческим поколением история. И каждое из этих прочтений опирается как на возрастающее число новых источников, так и на общественный опыт этих поколений, на их философию. Для наших современников особенно важно, что именно в античности зародились фундаментальные начала гражданского общества, члены которого непосредственно участвовали в принятии политических решений, социальном и государственном регулировании.

Тогда же начали формироваться ценности, которые декларирует и современный мир – человеческое измерение истории и общественного бытия, свобода и права человека, демократия, торжество закона, рационализм, инициативность и самореализация личности.

История всегда пишется с позиций современности и ее задач. Для нас нет задачи важнее, чем защита культуры от сил, которые мы сами бездумно породили в стремлении властвовать над природой. Знание античных корней культуры может обогатить пониманием того, что мы можем утратить, и опытом общения человека с природой, когда человек, пусть из наивной веры в ее одушевленность, оберегал красоту и преклонялся перед нею. Ведь именно в этом источник вечной молодости античной культуры и ее торжества над сила-

ми хаоса и уничтожения.

Особенностью этой книги является то, что ее авторы постарались уйти от привычного разделения античности на отдельные части, знакомые еще со школьных времен, – историю Древней Греции и историю Древнего Рима. Они попытались синхронизировать процессы их развития, политические и культурные феномены, показать их глубокое взаимодействие и взаимопроникновение и тем самым раскрыть сущностное единство античного мира. Лучше понять этот мир в его конкретике и повседневности читателю помогут фрагменты исторических источников в конце каждой главы. И заключительный раздел книги, содержащий справочный материал по хронологии, пояснения греческой и латинской терминологии, списки античных авторов с краткими пояснениями и разного рода таблицы.

Глава I

Круг земель и его древнейшие обитатели

Очаг античной цивилизации. Каждая из великих цивилизаций прошлого имела очаг, где она зародилась, развивалась, достигла расцвета и в котором угасла, оставив о себе память в виде могил своих создателей и творений их рук в камне, глине, металле, а также памятников письменности и литературы. Очагом античной цивилизации было море с его полуостровами и островами, которое в древности называли Внутренним. Значение этого обширного водного пространства отражено и в древнем латинском названии мира «круг земель» (*orbis terrarum*), ибо эти земли античной культуры действительно расположились вокруг моря, на стыке трех материков, и поныне сохранивших свои древние названия Азия, Европа, Африка (Ливия – у греков).

Мы в состоянии охватить все это культурное пространство одним взглядом с пролетающего в космосе спутника или проиллюстрировать его модель – рельефную карту. Для самих же людей античного мира то, что перед нами раскрывается как географическая реальность, было очень долгое время тем, что им еще следовало открыть, описать и освоить. Нам даже трудно себе представить, сколько для этого по-

требовалось времени, усилий и жертв при тогдашних средствах передвижения и условиях фиксации открытий, сколько пришлось совершить и исправить ошибок, чтобы лишь ко времени начавшегося угасания античной культуры составить более или менее точное описание среды собственного обитания!

Моря и проливы. Средиземное море было для людей античного мира дюжиной морей, вокруг которых складывались «малые» очаги цивилизации. К числу древнейших относятся земли двух полуостровов – Малой Азии и Балканского полуострова, – расположенные вокруг Эгейского и примыкающего к нему Миртойского моря. Здесь, как нигде в другом месте, было множество островов и островков, позволявших древним мореходам плыть от полуострова к полуострову, от острова к острову, не теряя из вида суши. Эгейское море было настоящей начальной грамотой мореплавания, которую еще в доантичную эпоху усвоили многие народы, а в античную – эллины, известные римлянам как греки.

Водное пространство между Апеннинским полуостровом и крупными островами Сицилия, Сардиния, Корсика было на рубеже античной эпохи освоено выходцами из Малой Азии тирсенами (тирренами), называвшими сами себя расенами, но известными под именем «этруски». Отсюда сохранившееся доныне название Тирренского моря. Море, разделявшее Апеннинский и Балканский полуострова, называли

Адриатическим – по городу тех же этрусков Адрии.

Внутреннее море на Западе соединялось с Внешним морем (Океаном) проливом, который финикийцы называли Столпами Мелькарта, а эллины – Столпами Геракла. Гомер считал Океан рекой, омывающей всю землю. Более правильные представления об Океане были у финикийцев, основавших еще в конце II тысячелетия до н. э. на его берегу свои колонии. Считают, что слово «океан» по-финикийски «кормилец». Океан и впрямь был кормильцем для этих отважных мореплавателей, и поэтому они не торопились делиться своими географическими открытиями с другими народами, а, напротив, чтобы их напугать, распространяли всяческие небылицы о том, что находилось за Столпами. Одна из таких небылиц о затонувшем материке Атлантиде дожила до наших дней.

Море, расположенное к северу от пролива Боспор («Бычья переправа»), эллины называли Понтом Эвксинским («Морем Благоприятным»). До того как его освоили, оно имело очень мрачную репутацию, более подходящую к его современному названию – Черное море. На этом море почти нет островов, на которых можно укрыться и держать по ним путь, берега же были заселены свободолобивыми и неприветливыми к чужеземцам народами.

Реки. Моря круга земель принимали в себя пресную воду рек. На судоходных реках или близ них располагались та-

кие крупные центры цивилизации, как Тартесс, Карфаген, Массилия, Рим, Александрия, Антиохия, и множество менее значительных – Ольвия, Танаис, Фазис, Спина, Эмпорион.

Самой крупной рекой, впадающей во Внутреннее море, был «кормилец Египта» (и не только его) Нил. В древности много писали о Ниле и о его загадках, которые до конца не могли разгадать. О крупных реках Запада обитатели Восточного Средиземноморья долго имели превратное представление: реки Пад (По) и Родан (Рона) поначалу сливались в их воображении в одну сказочную реку Эридан, по которой везли с северного побережья янтарь. Рано стала известна река Истр-Данувий (Дунай), но откуда она течет, точно не знали. Даже в V в. до н. э. греческий историк Геродот, писавший, что Истр берет начало в землях кельтов, отнес местоположение истоков великой реки к окрестностям «города Пирены». Он спутал кельтов, живших к северу от Альп, с кельтами, обитавшими в его время на Пиренеях.

Рельеф. Крупные горные массивы Карпаты, Альпы, Пиренеи являются северными границами и щитами античной цивилизации. Долгое время и о них в Восточном Средиземноморье знали очень мало. Для Геродота Карпис и Альпис не горы, а две реки. Но во времена Геродота и задолго до него через Альпы и Карпаты проходили не только торговцы, но и целые народы. Полуострова и острова Средиземноморья были в значительной части покрыты горами. И с ростом

населения площади, пригодные для земледелия и скотоводства, уже не могли обеспечивать всех продуктами питания. Это способствовало миграции населения и развитию торговли. Обилие камня мягких и твердых пород повсеместно способствовало расцвету строительного дела и искусства. Горы были богаты полезными ископаемыми.

Изменения природы. Природная среда на протяжении тысячелетий изменяется под влиянием естественных процессов или под воздействием человека. Без учета этих изменений картина развития цивилизации была бы неполной. Такие не зависящие от людей природные явления, как катастрофические наводнения, засухи, гигантские землетрясения, не говоря уже о находящихся за рамками истории античности оледенениях, оказывали на жизнь человеческого общества порою решающее воздействие. Возможно, одна из таких катастроф повлияла в XIII–XII вв. до н. э. на формирование античной цивилизации, вытолкнув из степей и лесов Европы их обитателей, которые смели более древнюю эгейскую культуру. Именно к этому времени относятся предания о голоде, длившемся много лет в Малой Азии и заставившем переселиться на Запад названных выше тирсенов (тирренов), а также и народы, которые вторглись в это же время в долину Нила и известны египтянам как народы моря.

Исследования рисунков на скалах Северной Африки показывают, что климат в III тысячелетии до н. э. во всем этом

регионе был более влажным, а вместо пустынь тогда существовали степи. Превращение степей в пустыни привело к климатическим изменениям. Да и в эпоху античной цивилизации климат в этих районах был более влажным, чем в наши дни, и граница пустыни находилась гораздо южнее.

Уже в античную эпоху деятельность человека начала оказывать влияние на среду его обитания. Для расширения сельскохозяйственных площадей, для нужд судостроения и металлургии вырубались леса. В Средней Италии еще в IV в. до н. э. имелись леса, считавшиеся непроходимыми, но после того, как они были вырублены, начались опустошительные наводнения. К этому же времени Эллада вообще уже была безлесной страной. Воздействие античной цивилизации на природную среду, разумеется, несопоставимо с тем, что происходит в наши дни, но негативные тенденции сказывались и в эпоху железного века.

Мертвые языки. В ходе развития античной цивилизации на огромных пространствах от Боспора до Столпов Геракла одержали победу два языка – греческий и латинский, поэтому средиземноморскую цивилизацию называют греко-римской. С утверждением этих языков исчезали многие десятки других языков, которые стали мертвыми, как стал мертвым позже и латинский. Но если из латинского языка отпочковались многие языки – их называют романскими (французский, итальянский, испанский, португальский, ру-

мынский и др.), – то языки, побежденные и частично поглощенные греческим и латынью, как правило, не дали отпрысков. Эти подлинно мертвые языки изучаются сейчас не из простой любознательности: с их помощью подчас удается понять не отмеченные литературными источниками процессы не только языкового, но и культурного развития. Устанавливая наличие в греческом и латинском языках слов из мертвых языков, обозначающих понятия из сферы земледелия, ремесла, мореплавания, военного дела, права, религии, можно понять, какими достижениями более древних народов воспользовались греки и римляне.

Много дает изучение названий гор, населенных пунктов, островов и рек. По ним видно, какие народы жили в данной местности до формирования античной цивилизации, каковы были границы их расселения и даже занятия.

Появление индоевропейцев. Греческий, латинский, а также многие из представленных в памятниках письменности древних мертвых языков принадлежали к обширной группе индоевропейских языков. К этой же группе относятся многие современные живые языки – славянские, германские, балтийские, иранские, армянский.

Свидетельства античных авторов о расселении древних народов, названия местностей говорят о том, что индоевропейцы были в Средиземноморье пришельцами и что расселились они отдельными группами. Но откуда пришли индоевропейцы и какими путями они двигались, до сих пор оста-

ется загадкой. Некоторые ученые считают, что родиной индоевропейцев были степи Северного Причерноморья, другие же отдают предпочтение Северному Двуречью.

Предшественниками эллинов в Малой Азии, на Балканах и островах Эгейского моря были пеласги, лелеги, карийцы. Пеласгам древние авторы приписывали многие достижения культуры, строительство ряда городов и создание древнейшей письменности. Судя по остаткам языка, пеласги были народом, родственным грекам. Согласно преданию, изгнанные с Балканского полуострова, они переселились в Италию. Их следы мы обнаруживаем также на Средиземноморском побережье Азии, к северу от Египта, где они были известны соседям – древним евреям – под именем филистимлян. От имени этого народа произошло название страны Палестины.

Видимо, в том же III тысячелетии до н. э. в Италии поселились и другие народы, говорившие на языках индоевропейского происхождения. Впоследствии она была почти полностью индоевропеизирована, но народами, говорившими на разных языках, сильно отличавшихся друг от друга. Подвергся индоевропеизации и Пиренейский полуостров, первоначально населенный иберами. Сюда через Пиренеи вторглись кельты и частично смешались с иберами.

Словарные данные индоевропейских языков, сохранившиеся в древних текстах, позволяют восстановить среду обитания индоевропейцев на их предполагаемой прародине – занятия, быт, общественное устройство, семейные отноше-

ния, религию и мифологию, право. С помощью параллельного рассмотрения пространных, наиболее древних текстов, например на языке древних индийцев санскрите, и религиозных формул на языках древнейших индоевропейских обитателей Италии удастся раскрыть многие загадки их общественной жизни и религиозных отношений.

Параллельное рассмотрение индоевропейских языков круга земель и языков индоевропейцев других регионов позволяет выяснить влияние новой природной и этнической среды обитания индоевропейцев. Чтобы было ясно, о чем идет речь, воспользуемся более близкими нам примерами. Сравнивая два славянских языка – русский и польский – по их памятникам письменности XVI–XVII вв., мы обнаружим в русском языке мощный слой слов, в том числе и фамилий, отсутствующих в польском языке, но наличествующих в татарском. Таково влияние общения русских и татар в столетия татарского завоевания, которого поляки и другие западные славяне избежали. Таким же образом можно собрать в греческом и латинском языках слова, которыми обогатились эти языки после переселения в Средиземноморье. Однако эта задача неизмеримо более сложная, чем та, которая предложена в примере «русский – польский – татарский». Ведь русский и польский – близкородственные индоевропейские языки, а среди индоевропейских языков круга земель много таких, которые, являясь по грамматическим показателям индоевропейскими, сильно отличаются по словарному запа-

су.

Допустим, мы находим во многих индоевропейских языках имеющее общее происхождение слово «Бог» (латинское «deus», литовское «dievas», греческое «theos», славянское «диво»); поскольку слово «титан» (противник бога, согласно известному мифу) может показаться нам «неиндоевропейским», мы уже готовы допустить, что миф о борьбе богов и титанов отражает столкновение верований индоевропейцев и их предшественников. Но оказывается, что слово «титан» также является индоевропейским (оно звучит в имени римлян «Тит») и наша гипотеза ошибочна. Титаны были тоже богами индоевропейского населения, возможно, богами пеласгов, изгнанных греками с Балканского полуострова. Миф о битве богов с титанами, таким образом, отражает победу новых богов над старыми, но отнюдь не индоевропейцев над неиндоевропейцами. К этому можно добавить, что лишь исследования XIX–XX вв. выявили принадлежность ряда мертвых языков Средиземноморья и Азии к кругу индоевропейских. Греки и римляне, даже те, кто занимался языковедением в научном плане, не имели об этом никакого представления. Лидийцы и карийцы, фракийцы, скифы, иранцы были для греков «варварами», хотя, как мы теперь знаем, приходились им братьями по языку, правда, не родными, а двоюродными и троюродными.

Материальные следы древнейших культур. Античная культура не была привнесена в круг земель индоевро-

пейцами или иными пришельцами, она складывалась на полуостровах и островах Средиземного моря, на Северном побережье Африки в тесном взаимодействии между пришлыми и местными народами, а также под мощным влиянием более древних культур Востока.

Еще до возникновения морской торговли некоторые ее функции взяли на себя народы, переселявшиеся на новые места. Так, от переселенцев с Востока обитатели круга земель узнали о технике легирования (смешения) разных металлов, открытой в Передней Азии в III тысячелетии до н. э. Созданная из девяти частей меди и одной части олова, бронза, сохраняя привлекательный блеск, приобретала твердость, необходимую для обработки камня. На острове Мальта в начале II тысячелетия до н. э. возникло монументальное сооружение площадью около 6 тыс. кв. м. По найденным археологами моделям храмов, по рельефным изображениям групп животных, символизирующих плодородие, по грубым каменным статуэткам женщин с необычайно пышными формами видно, что перед нами святилище почитавшейся на Востоке Великой Богини-Матери, покровительницы плодородия. Ни один из древних историков не упоминает храм на Мальте и его строителей, но само сооружение рассказывает о них лучше, чем об этом можно было бы написать.

На острове Сардиния сохранились монументальные постройки иного типа, известные местному населению как нураги. Это башни в форме усеченного конуса с внутренними

помещениями, соединенными коридором. Принадлежность нурагов бронзовому веку доказывают найденные там бронзовые слитки в форме бычьих шкур. Строители башен оставили нам свои изображения в виде бронзовых фигурок, дающих представление об их одежде, вооружении, занятиях, общественных различиях. Одна из найденных статуэток – изваяние божества войны, с четырьмя руками, держащими два меча и два щита, с четырьмя глазами на лице и еще глазами на руках. На голове у него шлем с рогами – священным атрибутом Бога-быка, супруга Великой Богини-Матери.

Металлы изменяют мир. Находки на островах Мальта и Сардиния помогают проследить изменения, какие претерпел мир в связи с открытием металлов. Камня в круге земель предостаточно, но возможность его использования в крупных масштабах как строительного материала открылась лишь с изобретением бронзы. Эпоха бронзы – это время монументальных сооружений. Человек, оснащенный металлическими орудиями, сам становился великаном.

Месторождения меди в круге земель находятся на островах Кипр, Сардиния, Эвбея. Олово же было только в Испании. Таким образом, бронзовая металлургия с ее потребностями в олове стимулировала развитие мореплавания в западном направлении, тем более что Испания обладала также богатыми месторождениями серебра. Производство металлов оказалось напрямую связанным и с торговлей. Новое

ремесло и морская торговля способствовали превращению Средиземного моря в великий оловянный и серебряный пути, покрыли его берега временными поселениями и стоянками, подчас превращающимися в колонии. И если Гомер в своей «Одиссее» рисует пугающую картину встреч мореходов с различного рода чудовищами (сиренами, циклопами, лестригонами), то археологические изыскания показывают, что в местах, куда фантазия поместила чудовищ, за несколько веков до Гомера были торговые фактории и велась регулярная торговля с местным населением. Следы этой торговли являются сохранные временем черепки керамики, прочерчивающие как бы пунктиром путь мореплавателей на Запад.

Тексты

ПРИРОДНАЯ СРЕДА

1. ЛИВИЯ – ШКУРА ЛЕОПАРДА

Страбон, II, 5, 33

Ливия похожа на леопардову шкуру, ибо она покрыта пятнами обитаемых местностей, окруженных безводной и пустынной землей. Египтяне называют такие обитаемые места оазисами. Наибольшая часть ее побережья, выходящего во Внутреннее море, весьма плодородна, особенно же Киренаика и области около Карфагена до земли мавров и Геракловых

Столпов. Ее океанское побережье не особенно густо заселено, а внутренние области <...> имеют совсем редкое население, так как по большей части это скалистая и песчаная пустыня. Населяющие Ливию народности в большинстве своем нам неизвестны, потому что войскам во время походов и чужестранцам-путешественникам не приходилось проникать далеко в глубь страны, а туземцы из дальних областей редко прибывают к нам, да и сообщения их недостоверны и неполны.

2. ЕВРОПА

Страбон, II, 5, 26

Обе части света – Европа и Ливия – оканчиваются около Азии. <...> Европа являет не только разнообразие формы, но и удивительно приспособлена природой для усовершенствования людей и государственных форм, а также потому что она передала и другим частям света большую часть своих благ и целиком удобна для обитания, за исключением незначительной области, необитаемой из-за холодов. Эта область граничит со страной кочевников, обитающих в кибитках у берегов Танаиса.

3. ПОНТ ЭВКСИНСКИЙ – ЧЕРНОЕ МОРЕ

Полибий, IV, 39, 1–5

Море, именуемое Понтом, имеет в окружности около двадцати двух тысяч стадий и два противоположащие одно дру-

гому устья, одно из Пропонтиды «Предпонтья», другое из Меотидского озера. Это последнее само по себе имеет восемь тысяч стадиев. В названные здесь водоемы изливается множество больших рек, вытекающих из Азии; еще более многочисленны и большие реки текут в них из Европы. Переполненное ими Меотидское озеро изливается через устье в Понт, а Понт в Пропонтиду. Устье Меотиды называется Киммерийским Боспором, имеет в ширину стадиев тридцать, а в длину шестьдесят; все оно мелководно. Подобно этому устье Понта называется Боспором Фракийским; в длину оно имеет около ста двадцати стадиев, а ширина его не везде одинакова.

4. ПАД – СЫН СНЕГОВ

Полибий, II, 16, 6–14

Река Пад, прославленная поэтами под именем Эридана, берет начало из Альп <...> и в направлении к югу изливается в равнины. Дойдя до ровных местностей, река изменяет свое направление и протекает по ним к востоку, впадая двумя устьями в Адриатику; равнину река разделяет таким образом, что большая часть ее прилегает к Альпам и Адриатическому заливу. Ни одна река Италии не несет столько вод, сколько Пад, ибо в него вливаются все потоки, со всех сторон стекающие с Альп и Апеннин в равнину. Наиболее обильна водой и величественна река бывает в пору восхода Пса, когда количество воды в ней увеличивается от тающе-

го на обоих хребтах снега. <...> У туземцев река называется Боденком. Все остальное, что рассказывают эллины о Паде, а именно историю Фаэтона и его падения, о слезах тополей и об одетых в черное тамошних жителях, которые, говорят, и поныне носят такое же одеяние в горе по Фаэту, и все другие рассказы, пригодные для трагедий, я оставляю в стороне. <...>

5. ТИБР – ТИРРЕНСКИЙ ПОТОК

Страбон, V, 2, 1

Тиррены занимают равнины до реки Тибр, омываемые с восточной стороны главным образом этой рекой, а с противоположной стороны – Тирренским и Сардским морями. Тибр вытекает из Апеннинских гор и наполняется водами многих рек. Он протекает через самую Тиррению, затем отделяет от нее земли умбров, сабинов и латинян, живущих у Рима.

6. ИСТР – САМАЯ БОЛЬШАЯ РЕКА ЕВРОПЫ

Страбон, VII, 1, 1

Эта самая большая река в Европе сначала течет на юг, а затем круто поворачивает с запада на восток и к Понту... Истр оканчивает свое течение у Понта, недалеко от устья Тираса и Борисфена.

7. РЕКИ ЗЕМЛИ КЕЛЬТОВ

Страбон, IV, 1, 2

Вся эта страна орошается реками: некоторые из них текут с Альп, другие с Пиренеев: одни впадают в океан, другие – в Наше море. Области, через которые они протекают, представляют по большей части равнины и холмистые местности с судоходными каналами. Русла рек от природы так удобно расположены по отношению друг к другу, что товары можно перевозить из одного моря в другое; ведь товары перевозят только на короткое расстояние, и притом легко через равнины, но большую часть пути по рекам: по одним – вверх, по другим – вниз по течению. У Родана в этом отношении некоторое преимущество, ведь он не только имеет с разных сторон много притоков <...> но также соединен с Нашим морем¹, которое лучше Внешнего моря², и протекает по самой плодородной стране из всех в этой части света.

8. АЛЬПИЙСКИЙ ЧУДО-ЗВЕРЬ

Полибий, XXXIV, 10, 3

В Альпах также водится какое-то особенного вида животное, похожее на оленя, но шей и шерстью напоминающее кабана. Ниже подбородка у него покрытый волосами хрящевой выступ высотой в ладонь и толщиной в хвост жеребенка.

¹ В эпоху Римской империи под Нашим морем имелось в виду Внутреннее (Средиземное) море.

² Внешнее море – океан.

9. ЛИВИЙСКИЕ ЛЬВЫ ОСАЖДАЮТ ГОРОДА **Полибий, XXIV, 16, 1**

Львы в старости нападают на людей, потому что не имеют уже силы для преследования диких зверей. Тогда они берут города в осаду <...> и можно было увидеть львов, пригвожденных к крестам, чтобы отпугивать прочих от нападений.

10. ЛЬВЫ НА БАЛКАНАХ **Геродот, VII, 125–126**

Когда [персидское] войско шло по этой местности, то на вьючных верблюдов с продовольствием напали львы. Ночью львы спускались из логовищ. Они не трогали, однако, ни вьючных животных, ни людей, а нападали только на верблюдов. <...> В этой местности водится много львов и диких быков, огромные рога которых ввозят в Элладу. Границей обитания львов служат реки Нест <...> и Ахелой, пересекающие Акарнанию. Ведь к востоку от Неста во всей передней части Европы не увидишь льва, точно так же, как и к западу от Ахелоя на остальном континенте.

11. ДИКИЕ ЛОШАДИ В ИБЕРИИ-ИСПАНИИ **Страбон, III, 4, 15**

В Иберии водится много газелей и диких лошадей. <...>

12. ПАПИРУС – ДАР БОЛОТ **Феофраст. Исследование о растениях, IV, 8**

Растет папирус не на глубоких местах, а там, где воды бывает локтя в два, а то и меньше. Корень у него с запястье сильного мужчины; длина больше, чем четыре локтя. Он растет по дну, пуская в ил кривые корни, тонкие и густые, и выгоняет вверх стебли, которые и называются «папирусом», – трехгранные, высотой в десять локтей, с жидкой, ни к чему не годной метелкой. Плодов на папирусе нет вовсе, стебли же разрастаются у него во все стороны. Корни его употребляют вместо дерева не только на дрова, но и для изготовления разнообразной утвари: в них много красивой древесины. Самый папирус служит для многого: из него делают лодки, из коры плетут паруса, рогожи, некоторые одежды, подстилки, канаты и многое другое. Чужестранцам наиболее знакомы папирусные свитки. Папирус является важнейшим подспорьем в питании: все местные жители жуют его в сыром, вареном и печеном виде; сок они высасывают, а жеваную массу выплевывают. Таков папирус, и таково разнообразное его использование. Растет он и в Сирии, на озере, где водится и душистый тростник.

13. ИСТОРИЯ И ПРИРОДНЫЕ КАТАСТРОФЫ

Цензорин. О дне рождения, XXI

Если бы людям было известно начало мира, мы бы начали оттуда. А ныне я рассмотрю тот отрезок времени, который Варрон называет историческим. Он сообщает о трех периодах исторического времени: первый – от происхожде-

ния людей до предыдущей катастрофы, который из-за неведения нашего зовется «темным»; второй – от предыдущей катастрофы до первой Олимпиады, под названием «мифический»; третий – от первой Олимпиады до нас. Точно сказать, сколько длится первый период лет, невозможно. Второй, хотя и представляют его неясно, длился, как полагают, до 1600 лет. От предыдущей катастрофы, которую называют Огигиевой, до царства Инаха около 400 лет, отсюда до падения Трои – 800 лет, а от него до первой Олимпиады немногим более 400 лет.

Глава II

Эгейская окраина Восточного мира (II тысячелетие до н. э.)

Греки, желавшие разузнать об отдаленном прошлом полисов, не располагали ничем, кроме гомеровского эпоса: вся письменная традиция II тысячелетия до н. э. была утрачена вместе с древними царствами, о могуществе которых свидетельствовали лишь руины дворцов, сложенных из таких огромных камней, что их считали построенными великанами-циклопами.

Ныне догомеровское прошлое обрело историю, ибо в распоряжении науки оказались источники, которых не было ни у Гомера, ни у тех, кто на основании его поэм пытался судить о древности. Большую часть этих источников дала сама почва Греции. Исследованы не только руины дворцов со всей их утварью, памятниками быта и искусства, но также и письменные документы II тысячелетия до н. э., о которых греки имели смутное представление. Часть документов уже прочитана, другие пока не расшифрованы. Еще одна группа источников – это сведения об обитателях Греции, сохраненные восточными народами – египтянами, хеттами, ассирийцами. Ценные сведения о населении Балканского полуострова, Малой Азии и островов Эгейского моря были получены

в ходе анализа лингвистами географических названий местностей и других данных древних языков. История эгейского пространства II тысячелетия до н. э. пока изобилует многими неясностями и с точки зрения достоверности не может идти в сравнение с историей после Гомера. Однако культура и религия догомеровского времени благодаря сделанным открытиям уже настолько хорошо изучены, что можно ясно представить, чем они отличались от греческой культуры, отделенной от них столетиями разрухи, и чем греческая культура обязана своей предшественнице.

Дворцы и их обитатели. Материковая и островная Греция II тысячелетия до н. э., эпохи бронзового века, представит перед нами прежде всего как ряд дворцов, соперничающих богатством и роскошью. Конечно же эти дворцы были островками в море хижин, но о хижинах нам пока известно опять-таки из дворцовых документов, регистрирующих все то, что обитателям хижин приходилось доставлять господам, обитавшим во дворцах. Поэтому и культура II тысячелетия до н. э. рисуется исключительно как «дворцовая цивилизация». О племенном мире и его культуре данных почти нет.

На Крите найдены четыре дворца – в Кноссе, Фесте, Маллии и Като-Закро. В материковой Греции дворцы открыты в Микенах, Тиринфе, Пилосе, Афинах, Фивах, Орхомене, Иолке. Помимо дворцов, известен также и город на острове Фера, погребенный под пеплом при извержении вулкана и

этим сохранный для истории.

Самым крупным на Крите был дворец Кносса, согласно мифам резиденция царя Миноса, считавшегося обладателем огромного флота и владыкой морей. Это грандиозное сооружение в два или три этажа занимало площадь около полутора гектаров. Большая часть цокольного этажа была отведена под кладовые, где в огромных сосудах хранились запасы зерна, оливкового масла, вина, изделия дворцового ремесла, а также заморские товары. Во дворце находились и обслуживающие его владык и придворных мастерские – гончарные, ювелирные, живописные. Устройство кносского дворца и его обстановка были рассчитаны на людей, привыкших к комфорту и удовлетворению любых жизненных и эстетических потребностей: водоснабжение, канализация, освещение, вентиляция, площадки для зрелищ, помещения для омовения в терракотовых ваннах, сосуды изумительного изящества и красоты, настенные росписи.

Сходным по назначению с Кносским был дворец Пилоса (Пелопоннес) – двухэтажный, состоявший из нескольких десятков царских покоев, парадных и служебных помещений. Здесь также хранились запасы провизии, имелись водоснабжение и канализация, также стены украшали росписи. В отличие от Крита, все дворцы Пелопоннеса, кроме пилосского, были защищены стенами.

Самым мощным из дворцов-крепостей Пелопоннеса был Тиринф, сложенный из огромных блоков известняка, весив-

ших порой до 12 тонн с общей толщиной стен от 10 до 17 м.

Благодаря раскопкам Тиринфа впервые удалось установить более или менее точную планировку царского дворца. На внутренний дворик, окруженный колоннадой, выходило центральное помещение дворца – мегарон, – служившее для пышных пиров и совещаний царя со знатью. В центре этого почти квадратного зала был устроен очаг, окруженный четырьмя колоннами, на которых покоилась кровля. В кровле между колоннами имелось отверстие для выхода дыма. Около очага возвышалось церемониальное кресло царя – трон.

Видимо, главным из дворцов-крепостей Пелопоннеса был микенский. Гомер называет его «пышновенчанным», а владыку Микен Агамемнона титулует царем царей. Путешественник II в. н. э. Павсаний пишет: «До сих пор все еще сохранилась от Микен часть городской стены и ворота, на которых покоятся львы». Эта стена и ворота со львами сохранились и поныне, победив время.

О могуществе властителей Микен красноречиво свидетельствуют их монументальные гробницы. Сомневаясь в том, что предки затрачивали столько усилий и средств для погребений, греки считали эти сооружения сокровищницами, где они прятали свои богатства, и рассказывали небылицы о хитрецах, которым удавалось туда проникнуть и поживиться за счет царей. Одна из этих «сокровищниц», вскрытых раскопками, имеет высоту 13 м и диаметр 14,5 м. Длина входного коридора в нее – 16 м.

Наиболее обширный из дворцов микенского времени находился в Средней Греции, в Фивах. Археологи обнаружили там цилиндрические печати из яшма с восточными сценами и клинописными надписями, а также другие предметы финикийского импорта, что позволяет отнести с доверием к легенде об основании города финикийцем Кадмом, будто бы отправленным своим отцом на поиски похищенной сестры Европы.

К северо-западу от Фив находился Орхомен – резиденция легендарного царя Миния – с дворцом и купольной гробницей XIV в. до н. э. К северу от Орхомена на большом острове среди озера возвышалась крепость, занимавшая площадь в семь раз большую, чем Тиринф. Видимо, здесь во время нападений скрывалось все население Беотийской равнины.

Во дворцах Кносса, Пилоса, Микен и Фив сохранились архивы из глиняных табличек. Вряд ли владыки дворцов водили в помещения с этими табличками посетителей-чужеземцев, предпочитая показывать им залы и покои, которые могли бы поразить воображение и представить могущество и богатство обитателей. Но для людей современного мира эти невзрачные хранилища оказались подлинными сокровищницами, ибо они раскрывают нам источники всех этих богатств и могущества. Мы становимся свидетелями сложных и утомительных расчетов с поставщиками зерна, льна, оливкового масла, с корабельщиками, пастухами, гребцами, кузнецами, представителями многих других профессий. Тот

самый царь, которого Гомер рисовал на поле боя или во время пира с равными ему по положению гостями, предстает как прижимистый хозяин, берущий со снабжающих дворец продовольствием или ремесленными изделиями максимум того, что они могут дать. И рядом с басилеем мы видим его писца, о существовании которого не догадывался Гомер, и этот писец становится если не главной, то самой реальной фигурой дворцовой цивилизации. Графологические экспертизы позволяют отличить одного писца от другого и даже понять характеры некоторых из них: утомленные однообразным трудом, они развлекались рисованием на обратной стороне табличек человечков и животных.

Писец хорошо известен по памятникам изобразительного искусства и письменности Древнего Египта. Это рядовой сложного бюрократического аппарата, сложившегося на Древнем Востоке, а сам этот аппарат порожден особой системой отношений собственности, когда землей владеет не тот, кто на ней трудится, а владыка дворца, получающий от обрабатывающих его землю часть урожая. Наличие писцов, дворцовых архивов, записей о распределении рабочей силы и доходах наряду с множеством других факторов свидетельствует о том, что крито-микенская цивилизация по своей общественной структуре принадлежала к тому же типу, что современные ей, сложившиеся на Востоке. Эгейский мир был западной окраиной восточной цивилизации эпохи бронзы, и типологически Афины, Фивы, Пилос, Микены II тысячеле-

тия до н. э. принадлежат не античному, а древневосточному миру, и если мы его рассматриваем в этой книге, то только потому, что античная цивилизация в ее восточных границах сложилась на той же почве и мифологическая память людей античного мира была насыщена судьбами обитателей дворцов, преданиями об их мнимых подвигах.

Из глиняных табличек Пилоса предстает дворцовое хозяйство Эгеиды, близкое к хозяйствам дворцов Передней Азии. Различные продукты сельского хозяйства и ремесла поступали во дворец непосредственно от производителя к потребителю, минуя рынок, а затем распределялись между обитателями дворца – воинами, прислугой, ремесленниками, теми же писцами – или дарились владыкам других дворцов. Дворец был местом хранения всех этих строго учитываемых богатств.

Все это сводило на нет роль внутренней торговли. Но внешняя торговля процветала и, надо думать, была монополией тех же дворцов.

Эгейцы на морях. С древнейших пор Эгеида развивалась в тесной связи с цивилизациями Востока, являясь их сырьевой базой и окраиной. О контактах эгейцев с Египтом свидетельствуют надписи иероглифами и изображения на стенах египетских гробниц. Уже с конца III тысячелетия критяне были известны египтянам под именем «кефтиу». В египетских надписях XIX в. до н. э. говорится об участии кеф-

тиу в строительстве царских гробниц. На египетских фресках этого времени изображены суда кефтиу, привозящие в Египет товары, а на фресках критских дворцов можно увидеть египтян.

Под именем «кафтор» критяне известны также и древним евреям. В Библии сообщается, что из страны Кафтор на побережье страны Ханаан пришли филистимляне. Это тот же народ, что назван в египетских текстах плст (египтяне, как и другие народы Востока, в письме не обозначали гласных. От имени филистимлян получила название Палестина).

Согласно археологическим данным, эгейцы уже во II тысячелетии до н. э. торговали с городами Сирии и селились в них.

Колонизация микенцами островов Эгейского моря и Восточного побережья Малой Азии велась с разной степенью интенсивности на протяжении всего II тысячелетия до н. э. Исходными районами колонизационного процесса были Пелопоннес, Аттика, Фессалия, и в ней участвовало наряду с ахейцами и догреческое население Балканского полуострова. Аборигены островов были уничтожены или ассимилированы переселенцами, оставив о себе память в чуждых языку ахейцев и пеласгов названиях местностей. Колонизация в восточном направлении отражена в предании о Троянской войне, в легендах об Ахилле и его пленнице Брисеиде, о победе над разбойником Кикном. Поселенцы в Малой Азии оказались среди народов, которые они не могли подчинить, —

карийцев, лидийцев, фригийцев, живших в своих городах и сохранявших свои порядки. Сплочению переселенцев с Балканского полуострова способствовала практика объединения городов во главе с религиозными центрами (двенадцатиградья). В ходе обособления переселенцев среди местного населения формируются диалекты греческого языка – ионийский и эолийский, первый на основе языка переселенцев из Аттики, второй – из Фессалии.

Другое направление микенской колонизации – западное. Сведения о плаваниях микенцев на Запад мы находим в «Одиссее» Гомера, в рассказах более поздних авторов о бегстве строителя критского лабиринта Дедала к царю сиканов Кокалу и о погоне за беглецом царя Миноса, о сооружении Дедалом на Сицилии удивительных построек – неприступного города Камика, узкий и извилистый вход в который могли охранять два-три воина, царского дворца и бассейна с теплыми подземными водами. Дедал, Минос, Кокал – фигуры мифические, но колонизация микенцами побережья Сицилии, Эолийских островов, Южной Италии – реальность, подтверждаемая обломками характерной микенской керамики, той самой, которая изготавливалась во дворцах и использовалась там для хранения вина, масла, зерна. Скопления этой керамики говорят об интенсивности контактов Эгейского мира с Западом.

Эгейское искусство. Эгейский мир был западной окра-

иной древневосточного мира, но кто бы осмелился это сказать в отношении эгейского искусства, обладавшего, несмотря на некоторые стилистические различия – кикладские, критские, микенские, – общим языком форм? Его творцам была присуща необычайная свежесть взгляда, словно эгейские цари-жрецы, в отличие от восточных царей, не были властны над их талантом и образом мыслей. Человек в произведениях эгейских мастеров не стоит перед владыками земными и небесными в жалкой покорности, – он осознает себя частью природы и поет ей гимн.

Таким гимном природе является фреска одного из домов Феры, получившего условное название «гинекея» (женского дома). Стены этого дома покрыты изображениями девушек в пышных одеяниях. Одна из них перевязывает пораненную камнем ступню, другая пляшет. Остальные, с изящными корзинками в руках, заняты сбором цветов. Среди них выделяется женщина зрелого возраста, восседающая на высоком троне. Ее прическа – образец искусства древних цирюльников. На глубоко декольтированной груди – два оригинальных ожерелья: одно в виде плывущих друг за другом уток (подобное известно лишь в этрусском ювелирном искусстве), другое – из стрекоз с распростертыми крыльями. Рукава ее одеяния украшены накладными или вышитыми цветами шафрана – растения, широко представленного в критском искусстве того времени. Не вызывает сомнения, что это богиня плодородия, особо почитавшаяся на Крите и других

островах Эгеиды. Перед богиней на возвышении – обезьяна, протягивающая владычице природы цветок шафрана. Цветы шафрана, уточки, стрекозы – все это признаки весеннего обновления природы, отмечаемого религиозной церемонией.

Подобный праздник весны и тысячелетие спустя отмечался в Афинах и других центрах Греции. Его участницами были молодые женщины, совершавшие обряд жертвоприношения, целью которого древний комментатор считает «содействие произрастанию плодов и людей». В этот обряд входили также удар «розгой жизни», увеличивавший, как верили, плодovitость, поедание плодов граната, сидение на земле, как бы передающей свою материнскую силу, и бросание в яму поросят (свинья – символ плодovitости).

Женщины – частые персонажи фресок и Кносского дворца. Они облачены в длинные юбки, состоящие из нескольких нашитых друг на друга полос материи. Верхняя часть туловища, кроме плеч, обнажена. Подчеркнутые одеждой признаки пола опять-таки свидетельствуют о принадлежности красавиц к материнским божествам.

Из мужских персонажей, приближающихся по стилистике изображения к женским, выделяется юноша с осиной талией и выбивающимися из-под диадемы длинными волосами. Нет, это не владыка гарема. Супруг очаровательных богинь-матерей – Бог-бык. На одной из фресок запечатлены игры таких же стройных юношей с быками: видимо, победители быка, символа мужской плодovitости, завоевывали

право носить диадему.

На небольших островах Эгейского моря в ходе раскопок поселений, окруженных двойным кольцом стен, и расположенных рядом с ними погребений в скалах были обнаружены каменные фигурки мужчин и женщин в разных позах. Скульпторы III–II тысячелетий до н. э. не просто воспроизводили части человеческого тела, но пытались отразить ритм их движения. Например, музыкант настолько сливается с инструментом, что вместе они составляют как бы колеблющуюся фигуру, передающую дух музыки. Удивительным образом эта манера изображения, чуждая как минойской, так и микенской культуре, созвучна теории и практике современного искусства.

Создатели этих удивительных памятников неизвестны, но можем ли мы, по крайней мере, определить, какому они принадлежали народу? И этот вопрос пока не решен, ибо для ответа на него, кроме мифа, других данных нет. Родоначальником искусства ваяния древние авторы называли Дедала, насильно заточенного на Крите Миносом и бежавшего от него в Сицилию. К более раннему времени мифы относили искусство островитян тельхинов, считавшихся сыновьями Моря. Тельхинам приписывали выработку меди и железа, изготовление оружия для богов и их статуй, которые назывались «тельхинские». Не эти ли статуи стали источником легенды о тельхинах как детях Моря? Ведь статуэтки производят впечатление размытости, словно модели, с каких они делались,

долгое время находились под водой и силуэт потерял обычные очертания.

Портреты открывателей эгейской цивилизации. На поднятой Гомером волне интереса к судьбам уже несуществовавших народов и культур началось в Новое время научное изучение эгейской цивилизации, которая предшествовала античной. Пойдя по стопам Гомера, ученые открыли то, о чем сам Гомер мог лишь догадываться, основываясь на темных преданиях и легендах.

Первооткрывателем эгейского мира стал Генрих Шлиман. Путь Шлимана в мир, описанный Гомером, необычен. Сын нищего немецкого пастора не мог получить систематического образования. Мечта о Трое, родившаяся в детские годы при виде картинки с изображением пылающего города, должна была отступить перед заботами о хлебе насущном. Но редкостная энергия, соединенная с значительными способностями к овладению языками, сделала свое дело. Занявшись бизнесом в России, Америке и других странах, Шлиман стал миллионером. Однако участие в коммерции, подчас весьма сомнительного свойства, не мешало ему на досуге читать Гомера и лелеять мечту открыть Трою, в былое существование которой в ученом мире того времени мало кто верил.

Раскопки Трои начались в апреле 1870 г. Едва заступ вошел в землю, как раздался характерный стук. Стена, сложен-

ная из каменных квадратов! Шлиман готов был уже поверить, что это стена гомеровской Трои, но под первой стеной оказалась вторая...

Говорят, семь городов спорили за честь считаться родной Гомера. Шлиман был уверен, что открыл семь Трой. Но какая из них гомеровская? «Разумеется, та, что в глубине!» – решил Шлиман, приняв за гомеровскую Трои постройку во втором снизу слое, хотя находки из этого слоя были крайне примитивными и не содержали ничего общего с памятниками, описанными Гомером. В поисках Трои Гомера Шлиман ее прокопал и в большей части уничтожил. Но главная его ошибка была в том, что ему казалось, будто Гомер дал описание Троянской войны как ее очевидец или по каким-то надежным данным. Шлиман посчитал миф историческим источником при изучении памятников материальной культуры. Конечно, миф в какой-то мере отражает историческую реальность, но миф и материальные остатки – источники разного уровня, и их отождествление неизбежно приводит к ошибкам.

Заслуга Шлимана в том, что он открыл один из древнейших центров эгейской культуры – Трои. Открыл он и другой город «златообильные Микены», откуда будто бы Агамемнон отправился завоевывать Трои. Местоположение Микен не надо было устанавливать: на поверхности земли сохранились описанные еще в древности «Львиные ворота», составлявшие часть укреплений этого города.

В 1876 г. близ «Львиных ворот» Шлиман раскопал монументальные скальные гробницы, о существовании которых также знали уже в древности. В гробницах оказалось множество золотых украшений и золотых масок, закрывавших лица покойных и сохранивших их черты. Конечно, Шлиман был уверен в том, что открыл гробницу Агамемнона, и даже определил по способу захоронения, что убитого захоронили в спешке, по-воровски. Все это фантазии. Но Шлиман все же открыл центр той культуры, которую называют микенской, и дал ее описание по археологическим памятникам. Ему удалось также раскопать описанный Гомером «крепкостенный Тиринф».

Открытия Шлимана восстановили авторитет античной традиции, которая до него подвергалась уничтожающей критике. Но одновременно успехи Шлимана создали у части ученых иллюзию, будто это и есть история. Этих ошибок не избежал и Артур Эванс, которому принадлежит честь открытия островной критской культуры.

В отличие от Шлимана, англичанин Эванс происходил из зажиточной семьи. Ему не приходилось колесить по всему свету в погоне за золотым тельцом и сомнительными предприятиями добиваться высокого положения в обществе. Классические и новые языки он изучал в лучших университетах Англии и Германии. Наука не была его прихотью или временным увлечением, – он профессионал.

На холм Кефал (Голова) на Крите обратил внимание еще

Шлиман, предположив, что под ним скрываются развалины древнего Кносса, столицы легендарного Миноса. Но, к счастью, до Кносса Шлиман не добрался. Эванс раскопал Кносс профессионально и на основании раскопок дал описание культуры, которую назвал минойской. Он же первым открыл таблички с надписями. Следуя за мифами, рассказывавшими о царе Миносе, он разделил историю Крита на три периода, назвав их раннеминойским (3000–2200), среднеминойским (2200–1600) и позднеминойским (1600–1200). Основной датировки явилось сходство найденных им предметов с хорошо изученными памятниками Египта и Двуречья. Это же сходство позволило понять характер отношений критян с египтянами, вавилонянами, ханаанеями.

Во время раскопок дворца было найдено множество табличек с надписями. По характеру письма, напоминавшего иероглифы, Эванс разделил эти надписи на две группы – линейное письмо А и линейное письмо Б. Эванс не торопился опубликовать тексты своих табличек, в надежде, что ему удастся прочесть их самому. Однако таинственные таблички дешифровке не поддавались, и вольно или невольно Эванс затормозил развитие науки. Подняв из забвения дворец Миноса, он оказался бессилен подыскать тот ключ, который открыл бы уста его древним обитателям.

Этот подвиг совершил соотечественник Эванса Майкл Вентрис. С детства он интересовался архитектурой, в юности обучался в Лондонском архитектурном институте. В

1936 г. в столице Англии открылась археологическая выставка по случаю 50-летия Британской археологической школы в Афинах. Четырнадцатилетний Майкл оказался среди слушателей Артура Эванса, рассказывавшего об открытом им дворце Миноса и иллюстрировавшем доклад находками, в том числе табличками с линейным письмом. Вентрис начал работать над письменами, но работу пришлось прекратить из-за начавшейся войны. После ее окончания Вентрису стали известны результаты других ученых, исследовавших кносские таблички: были систематизированы знаки письма и выделены их группы, характерные для начала слов и для их окончаний. Стало ясно, что это знаки слогового письма, но надо было решить, слова какого языка они передают.

Первоначально Вентрис полагал, что за знаками линейного письма Б стоит язык, близкий к этрусскому. Но затем, работая совместно с молодым филологом Дж. Чедвиком, Вентрис пришел к выводу: знаки передают искаженный греческий. Это предположение подтвердилось, когда в руках исследователей оказались таблички с такими же письменами из Пилоса, где краткие записи сопровождалась рисунками, поясняющими текст. Причины искажений греческих слов в записи линейным письмом Б до сих пор неясны. Но в целом надписи стали понятны, и благодаря этому было положено начало изучению истории Эгейского мира.

К числу наиболее выдающихся достижений в исследовании эгейской культуры относится открытие города бронзо-

вого века на острове Фера. В 1932 г. молодой греческий ученый Спиридон Маринатос во время раскопок в северной части Крита наткнулся на осыпь пемзовых камней. Так как пемза – камень вулканический, а на Крите вулканов нет, Маринатос предположил, что пемза занесена была сюда во время извержения ближайшего к Криту потухшего вулкана на острове Фера. Чтобы занести камни на такое расстояние, требовался взрыв колоссальной силы. По мнению ученого, происшедшее в XVI в. до н. э. извержение вулкана на Фере разрушило критские дворцы и обозначило грань между среднеминойской и позднеминойской эпохами.

Возможно, Маринатос преувеличил масштабы катастрофы, но то, что извержение действительно было в названное время, показали его раскопки, выявившие под лавой город эпохи бронзы. Город небольшой, потому что невелик и сам остров. Самое значительное из его зданий намного меньше Кносского дворца. Скорее всего, это святилище: некоторые помещения заняты культовыми сосудами, амулетами и другими предметами религиозного назначения. Великолепны покрывающие стены фрески, не имеющие себе в Эгейском мире равных по сюжетному разнообразию. Здесь и стадо голубых обезьян, карабкающихся в гору, и испуганно озирающиеся антилопы, и панорама весны с парящими в воздухе ласточками, и торжественное шествие юношей.

Наибольшее внимание Маринатоса привлекла фреска-миниатюра, часть которой изображает корабли, встречае-

мые высыпавшими на берег обитателями города с круто поднимающимися вверх по холму домами. Поскольку на другой части этой фрески изображена река среди тропической растительности, археолог предположил, что сюжет воспроизводит возвращение ферцев на родину после удачной экспедиции в Ливию (Африку). Другие ученые, в том числе дочь Маринатоса Нанно, обратили внимание на то, что по своему типу изображенные на фреске корабли не пригодны для дальнего плавания и к тому же украшены цветами, а пассажиры в длинных одеждах, сидящие на палубах под тентом, не похожи на мореходов. Наконец, и люди, встречающие корабли, – не праздные зеваки, а участники жертвоприношения.

Все говорило о том, что на фреске запечатлен морской праздник, посвященный богу морей, которому приносят в жертву быка (ведь бык считался жертвенным животным бога морей Посейдона). Напротив, фреска с изображением весны и ласточек посвящена празднику богини плодородия, широко почитавшейся на Крите и на других островах Эгейды.

В 1975 г. Маринатос погиб в раскопе – его придавил плохо закрепленный камень. Открытые ученым «эгейские Помпеи» помогли приоткрыть древнейшую историю Кикладских островов и крито-микенского мира в целом.

Тексты

1. ТРУД В МИКЕНСКУЮ ЭПОХУ

Гомер. Одиссея, VII, 103 сл.

В доме его пятьдесят находилось женщин-невольниц,
Те золотое зерно жерновами мололи ручными.
Пряжу пряли другие и ткали прекрасные ткани.
Тесно одна близ другой, как высокого тополя листья.

Гомер. Илиада, XVIII, 541 сл.

Мягкую новь он представил на нем³, плодородную
пашню,
Трижды взрыхленную плугом. И много на ней
землепашцев
Гнало парные плуги, ведя их туда и обратно;
Каждый раз, как они, повернувши, к меже подходили,
В руки немедля им кубок вина, веселящего сердце,
Муж подавал, подошедши. И пахари гнать продолжали
Борозду дальше, чтоб снова к меже подойти поскорее...
Дальше царский участок представил художник искусный:
Острыми жали серпами поденщики спелую ниву,
Горсти колосьев одни непрерывно там падали наземь,
Горсти другие вязальщики свяслами крепко вязали.

Гомер. Одиссея, XVIII, 357 сл.

Странник, ты верно поденщиком будешь согласен

³ На щите Ахилла, использованном богом Гефестом как «полотно» для изображения сцен военной и мирной жизни.

наняться

В службу мою, чтоб работать за плату хорошую в поле,
Рвать для забора терновник, деревья сажать молодые;
Круглый бы год от меня получал ты обильную пищу,
Всякое нужное платье, для ног надлежащую обувь.

2. ПИЛОССКИЕ НАДПИСИ О РАБОТНИКАХ (Реконструкция)

И. имеет в пользовании участок у народа.

Т., раб жрицы Пакий, имеет в пользовании участок общественной земли у народа. Столько зерна (должен сдать?).

Частная земля Р. Столько-то зерна (сдается).

А., рабыня бога, участок в пользовании имеет; столько-то зерна.

К., жрица-ключница, имеет два общественных участка, не «работает» столько-то зерна.

Столько-то кузнецов, не имеющих «задания».

Владельцы земли: свинопас, жрец, пчеловод, валяльщик, пастух, строитель колесниц, царский горшечник.

Глава III

От Троянской войны до Гомера. Эпоха переселений

Три столетия от Троянской войны до Гомера принято называть «Темными веками». В почти непроницаемом мраке совершалась незримая работа по расчистке всего созданного за предшествующее тысячелетие, необходимая для того, чтобы проклюнулись ростки нового античного мира. Его люди подчас считали себя потомками тех, кто жил во дворцах или отправлялся за добычей и славой за моря. Но они так мало знали о своих корнях, что в этот миф трудно поверить. Дворцы, воссозданные их воображением, почти три тысячелетия поражают человечество, но о создателях этих воздушных замков оно знает ныне неизмеримо меньше, чем о тех, кто обитал во дворцах, вскрытых раскопками.

Троянская война. Миф и реальность. Перемены в Эгейском мире, наступившие в XII–XI вв. до н. э., нашли отражение в мифе о Троянской войне, изложенном величайшим греческим поэтом Гомером в VIII в. до н. э., а вслед за ним многими античными поэтами и писателями. Причиной нападения всех государств Пелопоннеса на расположенный близ проливов город Трои (Илион) в древности считали по-

хищение троянским царевичем Парисом (Александром) супруги царя Спарты Менелая – Елены. На самом деле похищение прекрасной спартанки Елены является в греческой мифологии мотивом, первоначально не связанным с Троей. Греческие мифографы рассказывали, что Елена была похищена героем Тесеем и его другом Перифоем, но досталась по жребию Тесею. В то время, когда спустился Тесей в подземное царство, Елену вновь похитили и возвратили в Спарту. Еще по одной версии Елена вообще не была в Трое, а во время Троянской войны пребывала в Египте. Для понимания, кто такая Елена, важнее, чем все эти противоречащие друг другу мифологические версии, то, что в Спарте находился платан Елены и что она имела эпитет «древесная». Таким образом, Елена – древнейшее божество растительности, и миф о ее похищении принадлежит к тому же кругу представлений, что и миф о похищении дочери матери-земли Персефоны владыкой подземного мира Аидом, откуда она возвращается новым ростком, чтобы расцвести и быть снова похищенной.

Сюжетом огромной поэмы Гомера «Илиада» послужил один эпизод десятилетней войны – ссора между предводителем войска ахейских царств Агамемноном и величайшим ахейско-пеласгийским героем Ахиллом. Ахилл, жестоко оскорбленный Агамемноном, отказывается участвовать в боевых действиях, вследствие чего троянцы начинают брать верх и уже подступают к вытасненным на берег кораблям. В

этот критический момент ахеец Патрокл просит своего друга Ахилла дать ему на время свои доспехи, надеясь, что троянцы, приняв его за непобедимого Ахилла, обратятся в бегство. Появление Патрокла в доспехах Ахилла спасло ахейские корабли от уничтожения, но из стен города выходит могучий троянский герой Гектор и в схватке убивает Патрокла. Боль утраты заставляет Ахилла примириться с Агамемноном, вступить в сражение с Гектором и убить его на глазах у троянцев. Победа над Гектором решила исход Троянской войны. Но о разрушении Трои, гибели Ахилла Гомер не рассказывает, хотя и знает об этом.

Все, что нам известно о микенских царствах на основании линейного письма Б, говорит о невозможности их военно-политического объединения для такой акции, как многолетняя осада города по другую сторону Эгейского моря, даже если для этого существовала какая-то реальная потребность. Раскопки Трои также не дали каких-либо доводов в пользу реальности Троянской войны, «описанной» Гомером через три столетия после того времени, к которому она отнесена. Установлено, что Троя VI была разрушена землетрясением, а Троя VII А – пожаром. Но не каждый пожар вызывался вражеским вторжением. Если бы мы не имели сведений римских анналистов о многочисленных пожарах, периодически опустошавших Рим, по археологическим остаткам можно было сделать вывод, что он захватывался и сжигался завоевателями много раз. Соотнесенность пожара Трои VII

А с вторжением микенцев – не более чем гипотеза, имеющая такое же право на существование, как другие.

Некоторые исследователи, изучая вопрос об историчности Троянской войны, обратили внимание на то, что названия «Троя» и «Илион», являющиеся у авторов, писавших после Гомера, синонимами, на самом деле не связаны друг с другом. Известно почитание в Греции Афины-Илиас. Возможно, от этого ее второго имени и происходит название города Илион. Имена Троил, Илей, Ил (впоследствии к нему римляне возвели род Юлиев, изменив «Ил» на «Юл») широко представлены в Древней Греции. Более того, имена гомеровских троянцев Антенор, Гектор, Трос запечатлены в микенских табличках как имена ахейские.

Сторонники историчности Троянской войны пытаются опереться на хеттские источники. По их мнению, упоминаемые в хеттских текстах города Труиша и Вилуша идентичны Трое и Илиону. Но Труиша и Вилуша – это разные, хотя и находящиеся по соседству города. И этот факт более, чем что-либо другое, опровергает историческую реальность той войны, описание которой содержится в «Илиаде». Правда, в хеттских текстах упоминается государство Аххиява, царь которого, обитая где-то на Западе, обращается к хеттскому царю как к ровне, Это свидетельствует о реальности Ахейского царства, в которой после раскопок в Микенах и Пилосе уже нет сомнений, но никак не подтверждает факт похода Агамемнона на Трою и разрушения того или иного города

Малой Азии.

Если за рассказом Гомера о сражениях между ахейскими и троянскими героями из-за Елены и описаниями этих событий другими, более поздними авторами падения и сожжения Трои нет огня истины, то дым, похоже, есть, будь это растянувшиеся на полтора столетия разрозненные военные экспедиции микенских правителей, которые поэт объединил в один коллективный грациозный поход, или нашествие на Малую Азию каких-либо народов.

«Народы моря». Скорее всего, исторической основой мифа о Троянской войне было переселение народов, о котором рассказывают древнеегипетские и частично хеттские источники. Египтяне и хетты обладали письменностью и имели общее представление о том, что происходило в Малой Азии и на островах Эгейского моря в XIII – первой половине XII в. до н. э.

При египетском фараоне Мернептахе к дельте Нила двинулись голубоглазые, белолицые обитатели Ливийской пустыни и их союзники, которых надпись на стене египетского храма называет «народами моря», относя к этим народам шерденов, лукки, акаиваша, шекелша, пелешет и турша. Это был не обычный грабительский поход в страну, привлекавшую соседей богатством, а попытка обосноваться в Египте. Окончилась она неудачей.

При другом фараоне, Рамсесе III, нападение «народов мо-

ря» повторилось. Среди этих народов появляются два новых – текра и дануна. Все они вместе с кораблями, на которых они вошли в устье Нила, изображены на стене храма в схватке с египетскими воинами, в характерных для них одеяниях и вооружении.

Среди названий «народов моря» мы встречаем известных Гомеру ахейцев (акаиваша), данайцев (дануну), тевкров (текра) и пеласгов (пелешет). Турша – это будущие тирсены (этруски), шекелша (сикулы), шердены (сарды), лукку (ликийцы). Таким образом, в XII в. до н. э. едва ли не все обитатели Балканского полуострова, Эгейского побережья Малой Азии и островов снялись со своих мест и двинулись в поисках новых районов поселения. То, что в памяти сказителей и Гомера было грандиозным предприятием, направленным против одного города Трои и ее малоазиатских союзников, оказалось переселением народов, подобным тому, которое пережил в конце IV – первой половине V в. до н. э. круг земель, находившийся под властью римлян.

Почему же сикулы, тирсены и сарды покинули места своего первоначального поселения? Ответ на этот вопрос может быть лишь предположительным. Возможно, их толкнули к этому какие-то климатические изменения, сопровождавшиеся недородом и голодом. О длительном голоде одного из названных племен – тирсенов – сообщает историк Геродот.

Неизвестно также, сколько времени вторгшиеся народы оставались на Балканском полуострове. Но о том, куда они

направились с Балкан, говорят названия двух крупных островов Центрального Средиземноморья – Сицилия (по-гречески Сикелия) и Сардиния – и Тирренского моря (от тирсенов-тирренов, давших также и название стране Тиррения – Италия).

Результатом великого переселения народов в XII в. до н. э. было полное уничтожение всего того, что создали пеласги и ахейцы за два тысячелетия обитания на Балканском полуострове и островах Эгейского моря: городов и городской жизни, дворцовой государственной системы, письма, искусства. Остатки старого населения были превращены дорийцами в государственных рабов – илотов.

Греческие города на побережье Малой Азии пострадали меньше, чем балканские. В одном из этих городов и жил Гомер, воспевший в своих поэмах давно ушедший и прекрасный мир древних царей и грозных воителей, искусных лекарей и мастеров, храбрых открывателей дальних стран – всех этих людей, жизнь и гибель которых была им представлена как человеческая трагедия.

И пусть этот мир, как выясняется по мере археологических раскопок и прочтения древних текстов, мало походил на реальный, но Гомер был первым, кто зародил еще в глубокой древности интерес к этому миру. Пусть не было прекрасной Елены, из-за которой началась Троянская война, пусть Троя пала не после десятилетней осады и не была разрушена из-за храбрости Ахилла и хитрости Одиссея, а уничтожена

вторжением «народов моря», герои Гомера остаются вечными спутниками человечества.

Возвращение Гераклидов. Миф о Троянской войне далеко отстоит от исторической реальности, но некоторые связанные с этим мифом предания хорошо согласуются с гипотезой о великом переселении народов. К их числу относятся легенда о возвращении Гераклидов, изложенная в V в. до н. э. греческим историком Геродотом и драматургом Еврипидом.

После гибели Геракла его сын быстроногий Гилл, опасаясь мести воцарившегося в Микенах Эврисфея, вместе с братьями, матерью и сестрой тайно покинул Тиринф и обосновался в Афинах. Эврисфей выступил с войском в погоню, и ему бы удалось извести ненавистный род Геракла, если бы сестра Макария не принесла себя в жертву подземным богам, умоляя их взять в искупление душу Эврисфея. В битве с Гиллом Эврисфей погиб, и Гилл направился в Пелопоннес. Но внезапно воины его стали умирать, что считалось проявлением гнева Аполлона. Гонцу, отправленному в храм Аполлона в Дельфах, оракул возвестил, что бог гневается на Гераклидов за преждевременное возвращение и что вернуться можно будет лишь после третьего плода. Отсчитав три осенних урожая, так Гилл истолковал речение оракула, Гилл вернулся в Пелопоннес и в единоборстве с предводителем пелопоннесцев погиб. И поняли Гераклиды, что под «тремя пло-

дами» оракул имел в виду не три года, а три поколения после Геракла (или Гилла?).

И удалились Гераклиды на север, где стали вождями трех племен дорийцев, и только через восемьдесят лет Гераклиды вместе с дорийцами возвратились в Пелопоннес и овладели им.

Дорийцы и ионийцы. За двадцать лет до этого родственники дорийцев фессалийцы и беотийцы заняли области Северной и Средней Греции, которым дали свои имена, и, смешавшись с ахейцами, положили основу особой греческой группы племен – эолийцев. Что касается третьей группы, ионийцев, то ее ядром были обитатели Аттики, переселившиеся на побережье Малой Азии и основавшие там 12 городов. Центральная часть побережья Малой Азии стала называться Ионией. Ионийцем был Гомер. Каждое из греческих племен возводило свое происхождение к вымышленному предку: ионийцы к Иону, эолийцы к Эолу (не путать с Эолом – богом ветров). У каждого племени сложился свой диалект. Гомеровский эпос был создан на смешанном эолийско-ионийском диалекте.

Диомед, Тевкр, Тиррен и другие. Отражением переселений народов XI–X вв. до н. э. являются легенды о перемещениях героев. Так, победитель Фив Диомед, доблестно сражавшийся под Троей, будто бы отправился на юг Италии

в Апулию. Поселившись среди племени, царем которого был Давн, Диомед женился на его дочери и, унаследовав царство, основал в Италии несколько городов и святилищ. Рассказывали, что Диомед умер на одном из островков Адриатического моря, а его спутники превратились в огромных птиц, встречавших эллинских переселенцев радостным криком и хлопаньем белых крыльев.

В отличие от Диомеда, Тевкра, лучшего стрелка из лука в войске, осаждающем Трою, потянуло с острова Саламин на юг, на остров Кипр, где он основал город с тем же названием. И это, разумеется, не случайно, ибо египетским текстам известен «народ моря» текра.

Со своих мест обитания сдвинулись не только жители Балканского полуострова и прилегающих к нему островов, но и некоторые народы Малой Азии. Один из этих народов неизвестен Гомеру, поскольку ко времени создания эпоса он уже обитал в Италии, но его хорошо знают греческие поэты и историки VII–V вв. до н. э., столкнувшись с ним в процессе колонизации. Это тирсены (тиррены), известные римлянам как этруски, а сами себя называвшие расенами.

Гесиод первым упомянул тирсенов как обитателей «священных островов», не указывая их названия. Настолько ли были ограничены географические познания греческого поэта, что он и Италию считал островом? Скорее всего, нет. И под «священными островами» он, очевидно, разумел находящиеся к западу от Италии острова Сардинию и Корсику.

Ведь и позднее географ Страбон сохранил сведения о тирренах как обитателях Сардинии. О том, как и когда оказались тиррены на Западе, сообщает историк V в. до н. э. Геродот, скорее всего, со слов самих тирренов, его труд написан на юге Италии, где он мог встречаться с тирренами. Вот что сообщает Геродот: «В царствование Атиса, сына Мана, была большая нужда в хлебе во всей Лидии. Вначале лидяне терпеливо сносили голод, потом царь <...> разделил весь народ на две части и бросил жребий, с тем, чтобы одной из них остаться на родине, а другой выселиться. Царем той части, которая осталась на месте, он назначил самого себя, а над выселившимися поставил своего сына Тиррена. Те из них, которым выпал жребий выселиться, направились в Смирну, соорудили там суда, положили в них все необходимое и отплыли отыскивать себе пропитание и местожительство. Миновав многие народы, они прибыли наконец к омбрикам [умбрам], где основали города и живут до настоящего времени. Вместо лидян они стали называться по имени того царя, который их заставил выселиться <...> тирренами».

Информаторами Геродота были сами тиррены, с которыми он встретился, находясь в Южной Италии как колонист основанной Афинами колонии, и это лучше всего объясняет и фольклорные элементы рассказа, и его неточности. Переселение не могло происходить из Лидии, поскольку это более позднее название прибрежной части Малой Азии, и народ, предками которого были этруски, не мог быть лидийца-

ми. Но регион назван Геродотом правильно, и это подтверждается найденными на примыкающем к Малой Азии острове Лемносе надписями на языке, близком этрусскому, равно как приведенными выше сообщениями египетских источников.

Судя по археологическим данным, этруски появились в Италии в VIII в. до н. э., а переселение тирренов на Запад Геродот датирует временем, следующим сразу за Троянской войной. Где же пребывали тиррены более трех столетий? На этот вопрос мы уже ответили – в Сардинии. Интересно, что главная река этого острова называлась Тирсус, а древнейший автор Гесиод называет его обитателей тирсенами. Также в официальном греческом тексте VI в. до н. э. (договоре Сибариса) этруски названы по месту их обитания до переселения в Италию – сердаями.

В Умбрии, находившейся между реками Тибр и Арно, куда переселились тиррены-этруски, в городах жили также и пеласги, переселившиеся в Италию в середине II тысячелетия до н. э. (под давлением греков). Новые завоеватели были в меньшинстве. В их языке индоевропейского происхождения много индоевропейских слов – следы их общения с пеласгами и умбрами.

Венеты, лигуры, иллирийцы. В «Темные века» в Италию двинулись сушей с севера многие другие народы, распространившиеся по восточному Адриатическому побере-

жью Италии до самого его юга. Венеты заняли ту область, где ныне находится город Венеция. Их язык, судя по сохранившимся надписям, был родственным германским языкам. Венеты разводили коней в обильной лугами пойме долины реки Пада (По). О древнем имени этой реки доныне говорит название города Падуя.

Западными соседями венетов были лигуры, занимавшие до начала эпохи переселений большую часть Северной и часть Центральной Италии, а также владевшие побережьем Галлии. Согласно греческому мифу, в землях лигуров упала солнечная колесница Фаэтона, и из слез сестер юноши возник янтарь. Отнесение этой катастрофы к Лигурии связано с тем, что через нее проходила «янтарная дорога», ведущая от побережья Балтики через Альпы и далее по реке По в Адриатическое море. Обитатели микенских дворцов пользовались балтийским янтарем.

В ходе переселений «Темных веков» Адриатическое побережье Италии и ее юг оказались занятыми иллирийскими племенами япигов, певкетов, давнов, мессапов, калабров, френтанов. Первоначально иллирийцы освоили территорию современной Югославии и Албании. Потомками иллирийцев являются ныне албанцы. Не исключено, что именно иллирийцы дали толчок движениям всех народов Восточного и Центрального Средиземноморья в XII–X вв. до н. э.

Сикулы и элимы. Среди народов, участвовавших в на-

падении на Египет, были и сикулы. Сохранились предания, что они занимали в древности и Центральную Италию, но достоверно известно, что они в X в. до н. э. жили на крайнем юге Италии. Отсюда сикулы были вытеснены иллирийцами и переселились на остров, которому дали имя Сицилия. По своему языку и верованиям сикулы были близки к обитателям Лация – латинянам.

К началу греческой колонизации Сицилии сикулы вытеснили с большей части острова неиндоевропейское население – сиканов. В западной части Сицилии в конце II тысячелетия до н. э. оказался небольшой народ элимов, построивший города Сегесту, Энтеллу и др.

Троянское поветрие. Появление новых народов в Италии было частью обширного переселения, охватившего всю Европу, в том числе и Западное Средиземноморье. Повсеместно на территории Подунавья, Порейнья, на Пиренейском полуострове и в Италии возникают культуры, характеризующиеся древними могильниками без земляных насыпей, сохраняющими сожженный прах покойников в урнах и без урн в ямах. В Италии такой тип погребений характерен для мест проживания венетов, умбров, самнитов. Эти племена были выходцами из Европы, где продолжали жить народы, называвшие себя «венетами», «омбронами», «элимами».

С тех пор как жители Италии начинают знакомиться с по-

эмами Гомера, возникает нечто вроде эпидемии: все ищут предков в Трое. Венеты, найдя у Гомера упоминание конелюбивых энетов, считают себя их потомками. Элимы также находят себе предка в Малой Азии – Элима, бежавшего от ахейцев вместе с героем Трои Энеем, хотя, судя по их культуре, в них логичнее видеть выходцев из области Элимаида на севере Балканского полуострова, передвинувшихся на Запад в период великого переселения народов конца II тысячелетия до н. э. И жители многих древних городов Лация, в том числе и Рима, уже в VI в. до н. э. считали основателями их городов Энея и других троянских героев. Обнаружены статуэтки VI в. до н. э. с изображением Энея, несущего на плечах отца своего Анхиза, и другие свидетельства раннего распространения троянского мифа.

Микробы «троянского поветрия» оказались очень живучими. Некоторые современные исследователи сочли троянцами и тирренов-этрусков, народ, не имевший к Трое никакого отношения и даже неизвестный Гомеру под этим или иным именем. Такова при отсутствии письменных свидетельств сила мифа, склоняющая на свою сторону и науку. Письменные источники, если они и были, оказались уничтоженными вместе с дворцами и другими памятниками ахейской культуры в ходе опустошительного переселения народов.

Каждая болезнь имеет свои причины. Причиной «троянского поветрия», распространенного в Италии, стало често-

любие народов. Обитателям Северной Италии венетам хотелось быть в родстве с могущественными римлянами, считавшими своими предками троянцев. По соседству с элимами поселились беглецы из малоазийской Фокеи, и им не хотелось ударить лицом в грязь перед соседями и соперниками.

Тексты

1. ДРЕВНЕЙШЕЕ НАСЕЛЕНИЕ КРУГА ЗЕМЕЛЬ Геродот, I, 57–58

На каком языке говорили пеласги, я точно сказать не могу. Если же судить по теперешним пеласгам, что живут севернее тирсенов в городе Крестоне <...> и затем по тем пеласгам, что основали Плакию и Скиллак на Геллеспонте и оказались соседями афинян, а также по тем другим городам, которые некогда были пеласгическими, а позднее изменили свои названия <...> то пеласги говорили на варварском языке. Если, стало быть, и все пеласгическое племя так говорило, тогда и аттический народ, будучи пеласгическим по происхождению, также должен был изменить свой язык, когда стал частью элинов. Ведь еще и поныне жители Крестона и Плакии говорят на другом языке, не похожем на язык соседей. Это доказывает, что они еще и теперь сохраняют своеобразные черты языка, который принесли с собой после переселения в эти края <...>

До своего объединения с пеласгами элины были немно-

гочисленны. Из такого довольно скромного начала они численно возросли и включили в себя множество племен, главным образом оттого, что к ним присоединились пеласги и много других чужеземных племен.

Геродот, VI, 137

Афиняне изгнали пеласгов из Аттики – справедливо или несправедливо они поступили, этого я не знаю и могу лишь передать, что рассказывают другие. Именно, Гекатей, сын Гегесандра, в своей истории утверждает, что афиняне поступили несправедливо. Они ведь отдали свою собственную землю у подошвы Гиметта для поселения пеласгам в награду за то, что те некогда возвели стену вокруг акрополя. Когда же афиняне увидели, что эта прежде плохая и ничего не стоящая земля теперь прекрасно возделана, их охватили зависть и стремление вновь овладеть этой землей. Так-то афиняне без всякой иной причины изгнали пеласгов. Напротив, афиняне утверждают, что изгнали они пеласгов с полным правом. Ведь пеласги, жившие у подошвы Гиметта, оттуда причиняли оскорбления афинянам <...> Итак, изгнанные, пеласги переселились в другие земли, и в том числе и на Лемнос.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности I, 17–18

<...> пеласги были эллинами родом из Пелопоннеса. Они

испытали немало злоключений, но особенно страдали из-за того, что все время странствовали, не имея твердого места жительства.

Сначала они жили в месте, которое теперь называют Аргосом, в Ахайе. Они были отсюда родом, по наиболее распространенному мнению. Издревле они приняли имя от царя Пеласга, о котором говорили, что это сын Зевса и Ниобы, дочери Форонея. Затем, к шестому поколению, они покидают Пелопоннес и направляются в Гемонию (ныне – Фессалия), изгоняют оттуда варваров и делят страну на три части – Фтиотида, Ахайя, Пеласгиотида по имени своего вождя.

После того как они в течение пяти поколений оставались в Фессалии, процветая и приобретая богатства, которые навлекали из плодородных полей, они были оттуда изгнаны на шестом поколении как куретами и лелегами, именуемыми ныне этолийцами и локрийцами, так и многими другими жителями Парнаса.

После изгнания из Фессалии пеласги расселились во время своего бегства, одни двинулись на Крит, другие – на некоторые из Кикладских островов, некоторые водворились в Гестиотиде возле гор Олимпа и Оссы, другие удалились в Беотию, Фокиду и Эвбею, некоторые перешли в Азию и поселились в различных морских землях вокруг Геллеспонта и на многих соседних островах, особенно на том, что зовется ныне Лесбосом, где они смешались с первым эллинским населением, которое водворилось там под предводительством

Макара, сына Криазисуа.

Большая часть пересекла срединные земли, чтобы идти на поиски жителей Додоны, их родичей, с которыми никто не осмеливался воевать, так как на них смотрели как на священный народ. Оставались они, однако, там среди жителей Додоны недолго, но когда заметили, что причиняют им беспокойство и что запасов недостаточно, чтобы прокормить столько народа, то покинули эту страну, подчинившись оракулу, повелевшему им держать путь в Италию, называвшуюся тогда Сатурнией. Снарядив флот из многих кораблей, они плыли по Ионийскому морю, страстно желая причалить к наиболее близкому берегу Италии. Но поскольку они не знали пути, поднявшийся тогда южный ветер отнес их слишком далеко и они причалили возле одного из рукавов По <... > где и оставили свои корабли, не в силах выносить дальше тяготы пути.

Они оставили небольшой гарнизон, чтобы иметь место для убежища, если дела пойдут плохо. Те, кто остался с флотом, окопались траншеями, возвели вокруг лагеря стены, заполнили корабли продовольствием, необходимым для жизни. А когда они увидели, что все их предосторожности излишни, то основали город, дав ему имя рукава реки. Их судьба была более благоприятна, чем у всех других народов Ионийского залива. Долгое время они жили как хозяева моря и посылали в Дельфы Аполлону десятую часть доходов, ими полученных. И дар этот был таким великолепным, какого

никогда не посылал ни один город. Но в дальнейшем соседние варвары двинули на них огромное войско, и они вынуждены были оставить свой город. Со временем же варвары эти были изгнаны римлянами <...>

Другие пеласги, те, что прошли в глубь земель, пересекли горы Италии и прибыли в страну умбров <...>

2. ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В ЭЛЛАДЕ

Фукидид, I, 2–3

По-видимому, страна, именуемая ныне Элладой, прочно заселена не с давних пор. Раньше происходили в ней переселения, и каждый народ легко покидал свою землю, будучи тесним каким-либо другим, всякий раз более могущественным народом. Дело в том, что, при отсутствии торговли и безопасных внешних сношений как на суше, так и на море, каждый возделывал свои поля лишь настолько, чтобы было на что жить; никто не имел избытка в средствах, не культивировал землю, потому что неизвестно было, когда нападет на него другой и, пользуясь беззащитностью его жилища, отнимет у него имущество <...> Вот почему все легко снимались с места, и вследствие этого же ни у кого не было ни больших, ни сильных городов, ни вообще каких бы то ни было приспособлений для обороны. Всегда перемене населения подвергались преимущественно наилучшие земли Эллады, именно области, называемые теперь Фессалией и Беотией, также большие части Пелопоннеса <...> Напротив,

Аттика, по причине скудности почвы, с самых давних времен не испытывала внутренних переворотов и всегда была занята одним и тем же населением <...> Мне даже кажется, что Эллада во всей своей совокупности и не носила еще этого имени <...> но что названия ей давали по своим именам отдельные племена, преимущественно пеласги.

3. ТИРРЕНЫ ЗАХВАТЫВАЮТ ГОРОД ПЕЛАСГОВ АГИЛЛУ

Страбон, V, 2, 3

Современная Цере прежде называлась Агиллой и, как говорят, была основана пеласгами, прибывшими из Фессалии. Когда те лидийцы, которые переменили имя на тирренов, выступили походом на Агиллу, один из них подошел к городской стене и спросил имя города, тогда один из фессалийцев, находившихся на стене, вместо ответа, обратился к нему с приветствием «Хайре» («Здравствуй»). Тиррены приняли это за хорошее предзнаменование и переименовали взятый город таким образом.

4. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ИОНИЙЦЕВ

Геродот, I, 141–143; 145

Тотчас после завоевания Мидии персами ионяне и эолийцы отправили вестника в Сарды к Киру. Они велели объявить ему, что желают подчиниться персам на тех же условиях, как ранее Крезу. Выслушав их предложение, Кир рас-

сказал им басню: «Какой-то флейтист увидел в море рыбку и принялся играть на флейте, надеясь, что рыба выскочит на сушу. Обманувшись же в своих ожиданиях, он закинул невод, поймал много рыбы и вытащил ее на берег. И вот, увидев бьющуюся в неводе рыбу, он сказал: «Прекратите теперь у меня пляску! Вы ведь даже не захотели выйти поплясать под мою флейту!» Эту басню Кир рассказал ионянам и эолийцам потому, конечно, что те прежде отклонили предложение Кира отложиться от Креза <...> Таков был ответ разгневанного Кира. Когда весть об этом пришла в ионийские города, то ионяне обнесли каждый город стеной и все, кроме милетян, собрались в Панионий (ведь только с одним Милетом Кир заключил союз на тех же условиях, что и мидийский царь) <...>

Эти-то ионяне <...> основали свои города <...> в стране под чудесным небом и с самым благодатным климатом на свете <...> Дальше всего к югу лежит Милет, затем идут Миунт и Приена. Эти города находятся в Карию <...> Напротив, следующие города расположены в Лидии: Эфес, Колофон, Лебед, Теос, Клазомены, Фокея... Кроме того, есть еще три ионийских города: два из них – на островах, именно Самос и Хиос, а один – Эритры – на материке <...> От остальных ионян эти (азиатские) отделились потому лишь, что ионийское племя было самым слабым и незначительным среди вообще слабого еще тогда эллинского народа. Кроме Афин, вообще не существовало ни одного значительного ионинского

города. Поэтому как остальные ионяне, так и афиняне избегали имени ионяне, не желая называться ионянами <...> А те двенадцать [азиатских] городов, напротив, гордились своим именем. Они воздвигли общее святилище, назвав его Панионий, и постановили не допускать туда других ионян <...>

Ионяне, как я думаю, основали двенадцать городов и не пожелали больше никого допускать в свой союз вот по какой причине. Когда они жили еще в Пелопоннесе, у них, как и у ахейцев, которые их изгнали, было двенадцать городов <...> По этой причине ионяне и основали двенадцать городов.

Глава IV

Мир полисов и его расширение (VIII–VI вв. до н. э.)

Начало железного века. Античные общества всецело принадлежали железному веку. Железо, постепенно вытеснявшее бронзу, стало известно на Востоке уже во второй половине II тысячелетия до н. э., по крайней мере на четыреста лет раньше, чем в Средиземноморье. Греки считали его пришельцем из земель, населяемых сказочным народом рудознатцев и кузнецов-халибов, ибо хеттские цари, обладавшие монополией на изготовление и продажу железа, хранили все связанное с железом в тайне. Начало железного века на Балканском и Апеннинском полуостровах, на островах Внутреннего моря совпадало с началом античной цивилизации, а его распространение на более отдаленные территории связывалось с развитием таких народов, как финикийцы, греки, этруски, расширявших сферу своего обитания.

Хотя знакомство Запада с железом и техникой его производства состоялось гораздо позже, оно имело огромное значение, поскольку возможности для применения железа здесь были более широкими и дающими лучший хозяйственный эффект. В долинах Нила, Тигра и Евфрата можно было добиться высоких урожаев, пользуясь не бронзовыми, а даже

каменными или деревянными орудиями. Железо в странах древнего земледелия не вело к резкому расширению производственных площадей, ограниченных долинами рек. Да и в районах террасного земледелия (Финикия) лес на склонах холмов ко времени появления железного топора был практически сведен. Напротив, на Балканах, на Апеннинском полуострове, на таких покрытых лесами островах, как Сардиния и Корсика, применение железного топора и сохи с железным лемехом означало подлинную революцию в сельском хозяйстве. Только железные орудия позволили возделывать тяжелую вулканическую почву, отличающуюся редким плодородием, расширить границы земледелия и резко увеличить урожайность, внедрить новые для Средиземноморского региона сельскохозяйственные культуры – виноград и оливки. Применение железа позволило обитателям Эгейского региона выйти из упадка, вызванного катастрофой XIII–XII вв. до н. э., и в кратчайшие сроки с наименьшими затратами сил добиться расцвета экономики и культуры.

Железо меняло облик круга земель. Постепенно сводились леса и рощи, бывшие в воображении людей каменного и бронзового веков убежищами духов деревьев и ручьев – дриад, нимф, камен, фавнов – и владениями «лесных царей» (Сильвиев), живущих в дворцах из дерева или хижинах из тростника. В начале железного века обиталища лесных духов и богов стали восприниматься как поставщики древесины. Лучшие ее сорта шли на строительство домов и

кораблей, остальное пускалось на отопление, пережигалось на уголь, без которого немыслима металлургия, использовалось для выгонки смолы.

Железный век, в нашем представлении некая абстракция, вставал перед людьми, в него вступавшими, в ярких и пугающих образах. Это и остров Эфалия («Дымная») в Тирренском море, над которым по ночам стояло зарево, видное издали мореходам, – здесь добывался и выплавлялся неведомый ранее металл. Это и кузнец, чаще всего хромой, подчинивший себе стихию огня и связанный со зловещими богами подземного мира, во владении которых находятся залежи металлов. Наше слово «коварный» произошло от славянского «ков» – «дурное намерение, обман». От этой же основы произошло и слово «ковать». Связанный народной фантазией с подземным огнем кузнец вступил в мир богов как Гефест (этрусский бог Сефланс, римский Вулкан), где ему по контрасту с его обликом и в соответствии с его могуществом в жены досталась самая пленительная из богинь.

Люди лесов Сильвии сопротивлялись железу, как могли. Духовной формой сопротивления был религиозный запрет на употребление железа в строительстве мостов, на использование его в своих обрядах. Жертвы богам, в том числе самые угодные им – человеческие, приносились с помощью кремневых и медных орудий. Но силы и возможности старых материалов были исчерпаны. Железо побеждало сначала на поле боя, когда закованные в него отряды сталкивались

с людьми лесов, вооруженными дубинами и пращами, защищенными деревянными, обитыми шкурами животных щитами и панцирями из льна.

Железо стало пользоваться славой металла, жаждущего крови и превращающегося во взаимодействие с ней в ржавчину, в достояние страшных богов войны, – их храмы украшались железным оружием, в дрожании и дребезжании которого видели призыв к войне. С железом связали и те изменения, которые возникли в отношениях между людьми: сметающее все на своем пути стремление к наживе, непочтение к старшим, себялюбие и жестокость.

Но объективно железо, более чем какой-либо другой материал, обусловило прогресс во всех областях хозяйства. С началом железного века в круге земель начинается обособление ремесла от земледелия – сначала в сфере добычи и обработки металлов, затем в строительном и гончарном ремеслах. Ткачество же долгое время остается домашним ремеслом и занятием женщин, которым покровительствовала богиня-искусница Афина (этрусская Менрва). В Риме, как гласила легенда, уже в VII в. до н. э. существовали профессиональные объединения ремесленников – коллегии. Среди них не было главной – кузнецов по железу: это производство на полуострове являлось монополией этрусков, как во II тысячелетии до н. э. в Малой Азии – хеттских царей.

Развивалась в начале железного века на Западе и техника обработки железа. Первоначально железо добывалось сыро-

дутьем методом: руда доводилась до +900–1350 °С, а обрабатываемая при этом на дне печи металлическую крицу подвергали проковке для удаления шлака. В IX–VII вв. до н. э. был открыт способ добычи углеродистого железа, подвергнувшегося закалке при погружении в воду. Появилась сталь.

Научились также паять железо. Лидийский царь Алиат (VIII в. до н. э.) посвятил Аполлону Дельфийскому железную подставку, отдельные части которой были спаяны мастером с острова Хиоса. Рано стали известны и магнетические свойства некоторых руд. Само слово «магнит» произошло от города Магнезия в Малой Азии, близ которого находилось месторождение руды, которая притягивала железные предметы. О чудесах магнетизма в древности много писали, но технически использовать это явление в античные времена не умели.

VII–VI века до н. э. – столетия интенсивного распространения железа, определившего техническую основу античного общества. В этот период развились те социально-экономические и политические основы, которые отличали средиземноморское общество и его культуру как от восточных обществ, так и от окружающих его догражданских и догородских общин. Железные доспехи из-за своей дешевизны становятся доступны рядовым гражданам, и аристократия – герои медного века – лишается своих преимуществ в военной сфере, так же как и в экономической, поскольку железные орудия позволили получать урожай и на худших землях.

Рабство. Введение в жизненный оборот железа и связанные с этим изменения в хозяйстве позволили использовать труд рабов в неведомых ранее масштабах и формах. Возникает рабство нового типа, которое принято называть, в отличие от прежних патриархальных форм зависимости, античным рабством. Из железа ковали не только меч и лемех плуга, но и ошейник для раба.

О прежних формах социальной зависимости можно судить по положению групп местного населения, подчиненных не отдельным лицам, а всей общине завоевателей. У спартанцев это илоты, у фессалийцев и этрусков – пенесты, у критян – клароты. Фессалийских пенестов нельзя было ни вывозить с их первоначальных мест поселения, ни убивать: они были прикреплены к завоеванной фессалийцами земле, платили завоевателям оброк. Спартанцы, составлявшие незначительное меньшинство населения Лакедемона, ежегодно объявляли илотам войну, чтобы узаконенным убийством уменьшить их численность.

Рабы античного типа могли принадлежать государству, но они не сидели на земле, подобно илотам или пенестам, и, как правило, не имели семей и не вели своего хозяйства. Основной же массой рабов владели частные лица, а главным способом их приобретения была покупка. Считалось, что первыми стали приобретать рабов и использовать их обитатели острова Хиоса. Это было уже после того, как спартанцы и

фессалийцы обратили в рабство население завоеванных ими частей Греции.

В VIII–VI вв. до н. э. число рабов у греков, этрусков, римлян было сравнительно невелико. Только в V–IV вв. до н. э. рабы в таких развитых государствах, как Афины, Коринф, Популония, Сиракузы, составляют значительную часть населения и широко используются в ремесле и строительстве. Тогда же проблема рабства становится предметом теоретического осмысления.

Торговля. В начале железного века в жизни обитателей круга земель большую роль играла торговля. Кончилась длившаяся несколько столетий изоляция обитателей Балканского полуострова от территорий, богатых металлами и другим сырьем. Забытые торговые маршруты критян и микенцев грекам пришлось открывать заново, соперничая как с финикийцами, так и с этрусками. Отсутствие постоянно действовавшего международного рынка открывало возможности получения баснословных торговых прибылей в землях, богатых серебром, золотом и янтарем и испытывающих потребность в вине и оливковом масле. Поэтому особое внимание уделяется развитию этих сельскохозяйственных культур и ремесел, которые обеспечивают производство керамической тары для перевозки вина, масла, а также зерна. Торговля компенсирует скудность земель на каменистых островах и мысах Эгеиды. В начале V в. до н. э. самым богатым

человеком круга земель считался выходец с островка Эгина Сострат, корабли которого помогли освоить рынки дальнего Запада. Черепки с сокращенным именем Сострата (Сос) находят на всем побережье Испании, а недавно в этрусском порту найден каменный якорь эгинца Сострата с посвящением Аполлону.

Монета. Потребности растущего производства и развивающейся торговли в начале железного века обусловили введение и распространение монеты. Первые в мире монеты начали чеканиться в VII в. до н. э. лидийскими царями, сказочное богатство которых вошло в поговорку. Заимствовав монетную технику у лидийцев, данники лидийских царей ионийские греки превратили монету из средства платежа и накопления богатств в средство обращения. Появилась возможность менять товар не на товар, а на монету, качество металла которой и вес были удостоверены.

Первые монеты имели форму фасолины. На их оборотной стороне виден квадрат – след от металлического стержня типа наковальни, на который накладывался металл при чеканке. На лицевой стороне изображалась эмблема, характерная для государства, осуществляющего чеканку: лев для Милета, пчела для Эфеса, крылатый конь – Пегас – для Коринфа, черепаха для острова Эгины. Имеются сведения, что впервые у греков монета стала чеканиться на Эгине.

В Малой Азии монеты чеканили из электра – сплава зо-

лота и серебра, на Эгине – из серебра. В соответствии с весом драгоценного металла имелись монеты крупного номинала – статеры и их доли ($1/2$ статера, $1/3$ статера – вплоть до $1/24$ статера). В обращении продолжали находиться медные (в некоторых местах и железные) прутья – оболы. Определенное их число, которое могло быть схвачено в горсть, называлось «драхмой». Было установлено соотношение между монетами и этими прутьями, использовавшимися в мелкой торговле. Древнейшие монеты соответствовали двум или четырем драхам, первые века существования монеты можно было за одну серебряную драхму приобрести шестьсот овец.

Общественные сдвиги. Изменения в экономике нанесли удар по родовой организации общества, преимуществами которой пользовалась формирующаяся аристократия (в Греции эвпатриды, в Этрурии лукумоны, в Риме патриции), овладевшая такими родоплеменными институтами, как царская власть и советы старейшин. Открывается возможность обогащения для рядовых общинников, занявшихся ремеслами и торговлей. Есть сведения, что некоторые пенесты становятся богаче владельцев земель, которым они платят оброк. Укрепленные поселения превращаются в города, и складывается государство в присущей для античности форме полиса. Процесс создания полисов имел свою специфику, обусловленную рядом факторов экономического и этнического порядка. Там, где отсутствовала крепостная зависимость по-

рабощенного населения, как правило, сопротивление родовой аристократии удавалось сломить быстрее и безболезненнее.

Афины – «пуп земли». «С полным правом можно предположить, что наше государство основано в центре всей Греции и даже всей вселенной. Чем дальше от него, тем мучительнее холод или жара, и кто хочет из одного края Греции прибыть в другой, все они проезжают или проплывают мимо Афин, как около центра в круге». Так место Афин в мире виделось их уроженцу, греческому историку Ксенофону (430–355 гг. до н. э.), и объясняется это не только климатическими условиями и географическим положением.

К своему положению «пупа земли» Афины шли до времен Ксенофонта более двух тысячелетий – с того времени, как на холме, будущем акрополе, в середине III тысячелетия до н. э. обосновались первые поселенцы. Это были еще не греки, а пеласги, которым афиняне приписали и обработку каменистых земель, и сооружение первых укреплений. Изгнание пеласгов под предлогом, что они нападали на греческих девушек, спускавшихся с акрополя за водой, не принесло афинянам славы. Первый греческий историк Гекатей Милетский их за это беззаконие осудил.

В микенскую эпоху по сравнению с соседними Фивами и городами Пелопоннеса Микенами, Тиринфом, Пилосом Афины были захолустьем. Одно время, если верить афин-

ским мифам, они платили позорную дань юношами и девушками критскому царю Миносу. От нее афинян освободил выходец из пелопоннесского города Трезен Тесея, который был назван сыном афинского царя и признан афинским героем. Именно Тесею миф приписывает превращение Афин в главный город Аттики.

И после Тесея на протяжении нескольких столетий Афины остаются во власти царей. Одному из них, Кодру, удается, пожертвовав жизнью, защитить город от вторгшихся в Аттику дорийцев. Будто бы после этого афиняне решили больше царей не иметь – в уверенности, что лучше Кодра у них царя не будет.

Согласно преданию, именно с этого времени Афинами начинают править архонты, выбиравшиеся из аристократов – сначала пожизненно, затем на десять лет каждый. В отличие от царей, архонты были подотчетны совету из глав родов – ареопагу.

Возвышение Афин связано с социальным и экономическим переворотом VII в. до н. э. Виноградники и оливковые деревья на крестьянских участках стали приносить прекрасные урожаи, а продажа вина и оливкового масла за пределы Аттики давала большой доход. Товарное сельское хозяйство, не отягощенное крепостными формами зависимости, какие господствовали в Лакедемоне и Фессалии, способствовало развитию ремесел (прежде всего керамического, обеспечивавшего тару для вина и масла), судостроения и торговли.

Так постепенно в Афинах усиливается значение простого народа – демоса, однако эвпатриды сохраняют за собой преимущества, которые им давали родовые традиции и органы власти, прежде всего ареопаг.

В этих условиях возникает острая необходимость руководствоваться при решении имущественных споров и уголовных дел не родовыми обычаями эвпатридов, а писаными законами. Около 624 г. до н. э. после волнений, вызванных злоупотреблениями судей-эвпатридов, впервые в Афинах были записаны законы, обязательные для всех граждан. Их инициатором считался Драконт, афинянин, о личности которого нам ничего не известно.

Законы Драконта сурово карали любое нарушение прав собственности, так что говорили, что они написаны не чернилами, а кровью. Драконт не затронул сурового долгового права, от которого страдало аттическое крестьянство, и, воспользовавшись этим, эвпатриды расширяли свои земельные владения. Земледельцы попадали в долговую кабалу и часто продавались в рабство за пределы Аттики.

В 594 г. до н. э. с программой государственных преобразований выступает выходец из эвпатридов Солон, всенародно избранный архонт, наделенный самыми широкими полномочиями. Цель реформ Солон видел в устранении всего, что создает в государстве взрывоопасную обстановку и препятствует экономическому и культурному развитию. Прежде всего законодатель реформировал долговое право, осуще-

ствив так называемую сисахфию – «страхивание» долговых камней с земли. Одновременно были выкуплены за государственный счет все проданные в рабство на чужбину. Все свободное население Аттики было разделено на четыре разряда в зависимости от доходов, получаемых с земли. С принадлежностью к разряду были связаны политические права. Таким образом, в конституцию вводился чуждый родоплеменной общине имущественный принцип, открывавший дорогу к власти не знатным, а зажиточным гражданам. С этой реформой была связана и реорганизация армии. Граждане высшего разряда составляли тяжеловооруженную пехоту гоплитов.

Демократизации общества способствовало введение нового совета четырехсот (по сто человек от каждого племени – филы), в обязанности которого входила подготовка программы народного собрания, превратившегося в высший орган государственной власти. Это ограничивало полномочия и подрывало авторитет аристократического учреждения – ареопага.

Реформы Солона не удовлетворили требований аттического крестьянства: ликвидировать крупное землевладение эвпатридов и увеличить их собственные земельные участки. После реформ Солона в Аттике образуются три политические группировки, в борьбе за влияние подчас делавшие уступки демосу. Верх взял глава одной из группировок Писистрат, в 560 г. до н. э. установивший в Афинах едино-

личное правление – тиранию. Эта форма правления в начале железного века сыграла положительную роль в сокрушении господства родовой аристократии, выходцами из которой чаще всего были тираны. Стремясь к популярности, тираны шли на уступки демосу, создавали условия для расцвета ремесла, товарного земледелия, торговли и... в лице торгово-ремесленной прослойки готовили себе могильщиков.

Тиран Писистрат раздавал ссуды неимущим крестьянам, ввел разъездные суды, чтобы не отвлекать крестьянство от сельских работ, поощрял занятия ремеслами, увеличил занятость населения, начав обширное строительство на акрополе и устройство водопровода. Значительный импульс был им дан торговле и кораблестроению, поскольку он укрепился на путях к проливам и Понту Эвксинскому.

После смерти Писистрата в 527 г. до н. э. власть в Афинах перешла к его сыновьям Гиппию и Гиппарху. Их внешняя политика не была столь же успешной, и они не снискали такой популярности, как отец. В 514 г. до н. э. в результате заговора был убит Гиппарх, а четыре года спустя, в 510 г. до н. э., представители рода Алкмеонидов, воспользовавшись назревшим недовольством, с помощью Спарты изгнали Гиппия.

Один из Алкмеонидов, Клисфен, между 509 и 500 гг. до н. э. осуществил реформы, покончившие с привилегиями родовой аристократии. Ее сила заключалась прежде всего в традиционном разделении Аттики на филы (племена), фра-

трии и роды. Клисфен же ввел новое деление – на территориальные округа, каждый из которых состоял из трех районов, расположенных в Афинах, в приморской полосе и во внутренней части Аттики. Так были разъяты щупальца родового спрута, сжимавшего в своих тисках полис. Место прежнего совета четырехсот, состоявшего из представителей родовых фил, занял новый совет пятисот, в который вошло по пятьдесят граждан от каждого из десяти территориальных округов. Функции ареопага были ограничены разбирательством дел по преступлениям, не затрагивавшим имущественное право. Как средство борьбы с тиранией было введено голосование, давшее каждому гражданину право написать на черепке имя человека, представляющего угрозу народовластию (остракизм, по греческому слову «остракон», черепок). Получивший на этом голосовании большинство голосов изгонялся из Афин на десять лет, сохраняя, однако, свое имущество.

Реформы Клисфена завершили превращение Афин в сильное демократическое государство и способствовали его экономическому процветанию. С включением Клисфеном в число полноправных граждан части чужестранцев общая численность афинских граждан составила около 30 000.

Спарта, «славная мужами». Иначе сложился полис в той части Пелопоннеса, которая называлась Лаконикой, или Лакедемоном. Здесь еще в микенскую эпоху существовало спартанское царство, которым управлял, согласно преданию,

Менелай, супруг прекрасной Елены. Ахейско-пеласгийское население Лаконики не смогло отразить набега дорийцев, как это удалось Афинам, и оно было закрепощено завоевателями, обращено в илотов. Община завоевателей не была заинтересована в хозяйственном развитии порабощенного края, численность населения которого превосходила ее собственную. Согласно закону, авторство которого приписано Ликургу, была изъята из обращения монета и заменена железными прутьями – оболами, в других частях вышедшими из употребления. Ремеслом и торговлей в Лаконике могли заниматься лишь жители добровольно присоединившихся окрестных общин периэки («живущие вокруг»). В отличие от илотов, они были свободными людьми, пользовались в своих общинах гражданскими правами, но к управлению спартанской общиной не допускались.

Преобразования, осуществленные, видимо, в ходе последней из Мессенских войн и приписанные Ликургу, законсервировали спартанскую общину, отгородили ее от процессов, преобразивших окружающий мир. Спарта напоминала военный лагерь, готовый в любое мгновение ошетиниться копьями и двинуться туда, куда укажут военные предводители-цари. У спартанцев были семьи, но мужчины и их сыновья постоянно находились, если употребить современное выражение, на казарменном положении. Обязательны были совместные трапезы воинов – сисситии, – их участники для этого выделяли ежемесячно определенное число продуктов.

Коронное блюдо трапез – «спартанская» черная похлебка – казалось чужестранцу несъедобным. Столь же диким выглядело и спартанское воспитание, готовившее беспощадных, жестоких, коварных, лишенных интеллекта воинов, умеющих лишь убивать, приказывать и подчиняться. Спартанцы были немногословны. Именно отсюда пошло слово «лаконизм». Из всей программы греческого гуманистического воспитания спартанцы сохранили только физическую подготовку и музыку, но лишь ту, с которой сподручнее было идти в бой.

Кроме царей, считавших своим предком дорийского Геракла, спартанцами управлял совет старейшин – герусия, а также апелла – сходка воинов, на которой побеждало то решение, которое одобрялось общим ревом, а не голосованием. Кроме того, существовала коллегия блюстителей законов – эфоров – из пяти человек, ежегодно переизбиравшихся на народном собрании. Они осуществляли контроль за настроениями и поведением спартанцев, регламентируя даже супружеские отношения и деторождение, отстраняли царей, санкционировали истребление илотов.

Будучи создана для войны, такая общность не могла без нее существовать, ибо воинскому духу требовался выход, а мечам и копьям негоже было ржаветь в бездействии. Объектом спартанской агрессии стала соседняя Мессения. С мессенцами, согласно преданиям, спартанцы воевали со второй половины VIII в. до н. э. В первой Мессенской войне,

длившейся около двух десятилетий, спартанцам удалось завоевать большую часть Мессении и наложить на побежденных огромную дань. Во второй половине VII в. до н. э. мессенцы восстали. В памяти поколений сохранились рассказы о герое мессенского сопротивления Аристомене, которому удавалось держать поработителей в страхе и наносить им жестокие поражения. Однако восстание, известное как 2-я Мессенская война, не принесло мессенцам освобождения: на этот раз они были обращены в илотов. Мессения была разделена на клеры, розданные спартанцам без права продажи. Именно тогда были осуществлены реформы, приписываемые Ликургу.

После 2-й Мессенской войны Спартанское государство обладало территорией, превышающей Аттику более чем в три раза. Поскольку оно в военном отношении превосходило соседей, те примерно в середине VI в. до н. э. вступили в пелопоннесский союз под гегемонией Спарты. Высшим органом союза в Спарте было собрание, на котором председательствовали эфоры. Спарта диктовала союзникам свою волю и пользовалась их воинскими контингентами и денежными средствами, следила за тем, чтобы в союзных государствах не было демократического правления.

Полисы этрусской Италии. В VIII–VI вв. до н. э. на Апеннинском полуострове господствовали этруски. Начало этому господству было положено в Средней Италии, где

этруски между реками Тибр и Арно основали ряд городов, превратившихся в полисы.

У этрусков не было ни Гомера, ни Гесиода, по произведениям которых изучается начальная эпоха формирования греческих полисов. Исторические труды этрусков и произведения этрусской драматургии не сохранились. В распоряжении науки имеются лишь краткие упоминания об этрусских царях и десять тысяч надписей – преимущественно эпитафий. По этим источникам можно восстановить формирование полиса лишь в самых общих чертах.

Первоначально этрусскими городами управляли цари. Царская власть, как и на Балканах, сменяется властью аристократов. Этрусская знать образовалась в ходе завоевания Италии и на протяжении девяти столетий существования этрусского народа (срок, который, согласно утверждениям этрусских жрецов – гаруспиков, определили им боги) играла господствующую роль. Как видно из этрусских эпитафий, роды у этрусков создавались искусственным путем, в подражание естественной родовой организации завоеванного населения. Этрусские родовые имена образованы из названий местностей, принадлежавших крупным землевладельцам, рек, озер, городов, а также путем прибавления к индивидуальным этрусским, греческим и итальянским именам окончания «-на» (например, Тит – Титена).

О богатстве и политическом авторитете этрусской верхушки свидетельствуют монументальные погребальные со-

оружия – курганы, обложенные у основания камнем, с коридорами, ведущими в подземные склепы. Археологи, раскапывавшие эти грандиозные сооружения, дали им название «княжеские гробницы». В Греции обнаружена лишь одна подобная гробница (Лефканди на о-ве Эвбея). В Этрурии их сотни, и они в совокупности воссоздают впечатляющую картину жизни этрусской знати: ломящиеся от снеди и сосудов с вином столы, множество прислуживающих рабов, огромное число предметов из драгоценных металлов и слоновой кости, в том числе изготовленных иноземными мастерами.

Высокое общественное положение этрусской знати характеризуют не только обширность их погребальных покоев, богатство содержащихся в них предметов, великолепие фресок, но и эпитафии, повествующие о происхождении, общественном положении, политической карьере покойных, некоторые из которых по многу раз занимали выборные должности в своих полисах. Эти должности обозначены терминами «зилк», «зилат», «пурс (пурт)», «марон». Точное значение этих титулов неизвестно, но по соответствию слова «зилат» хеттскому термину «титахзилат» – трон, резиденция – можно предположить, что «зилат» обозначает «правитель». «Марон» – скорее всего, жреческая должность.

На службе у этрусских аристократов находились лица, обозначаемые словом «етера». Это дружинники, «сотоварищи», известные грекам и македонцам как «гетайры», а римлянам как «суодалес». Низшие слои населения названы в

надписях «лаутни» и «леты». Скорее всего, лаутни – это рабы, а леты – покоренное население типа фессалийских пенестов и спартанских илотов.

Из всех этих данных вырисовывается общественная структура этрусских полисов, приближающаяся скорее к спартанской, чем к афинской полисной организации. Сами же полисы этрусов были государствами, занимавшими сравнительно небольшую, обозримую территорию, обитатели которой могли являться в город для непосредственного участия в выборах должностных лиц и в других общественных делах. Полис (по-этрусски «спура») обладал автономией (жил по своим законам), имел свои экономические и политические интересы и ополчение, призванное их защищать, почитал собственных богов-покровителей. Этрусские города, подобно Афинам и другим древнейшим городским центрам, строились на некотором расстоянии от моря и владели участками берега, где находилась одна или несколько гаваней. Только один из позднее возникших этрусских полисов, Популония, имел центр на выдающемся в море полуострове.

Политической основой господства этрусов в Италии был союз двенадцати городов, созданный по тому же образцу, что и в древнейшую эпоху на Пелопоннесе и в Малой Азии. Это объединение (скорее религиозного, чем политического характера) предоставляло каждому из участников автономию во внутренних делах, обеспечивало помощь союзников в случае внешней угрозы или восстания местного населения.

Город на семи холмах. Семь холмов в нижнем течении Тибра населяли не этруски, а местные племена – латины и сабины, говорившие на родственных языках и близкие по уровню своего развития и культуры. Латины первоначально обитали к югу от Тибра, где их религиозным центром был город на Альбанских холмах Альба Лонга. Переселение части латинов и занятие ими холма Палатин одна из многочисленных римских легенд объясняла конфликтом в семье правителя Альба Лонги. Согласно этой легенде, Рим (Рома) был основан выходцами из Альба Лонги Ромулом и Ремом. На самом деле Палатин был заселен уже в конце бронзового века, ранее, чем многие холмы Тосканы, где возникли этрусские полисы. Римская же традиция отнесла основание Рима к 753 г. до н. э.

Первоначальный Рим сохранял родоплеменную структуру. Три племени-трибы – тиции, рамны и луцеры – составляли римский народ. Каждое племя состояло из родов, группировавшихся в курии – объединения мужчин по религиозному принципу. Для решения важнейших вопросов в жизни города народ собирался по куриям, и эти собрания именовались куриатными комициями. Родоначальники составляли совет старейшин – сенат (от слова «senex» – старик). Члены сената назывались отцами («patres»), потомки первоначального населения Рима – патрициями, позднее пришлое население, стоявшее вне родовой организации, – плебе-

ями. Некоторые плебеи искали покровительства у патрициев и становились их «клиентами». Впрочем, клиентами могли стать и обедневшие патриции.

Исполнительная власть в римской общине принадлежала выборным военачальникам, наделенным религиозной властью, – царям. Плебеи не участвовали в выборах царей, в религиозных праздниках патрициев, не могли пользоваться общинной землей, которую римляне называли «общественным полем», но привлекались к военной службе во вспомогательных отрядах, а не в гражданском ополчении (легионах).

На ранних римских монетах, выпускавшихся при храме Юноны Монеты (отсюда и название «монета»), изображалась корабельная корма. Да и позднее римские Орфеи в пору невзгод вспоминали, что римское государство находится на плаву:

О, корабль! Отнесут опять тебя в море волны!

Корабль римской государственности был крепко сколочен этрусками и ими же снаряжен на долгое плавание. Этруски дали поселению на притибрских холмах полисную структуру, близкую, но не идентичную греческой. При первом этруском правителе Тарквинии Древнем (традиционно временем его правления считается 616–578 гг. до н. э.) была осушена болотистая низина между Палатином и Капитолием, ис-

пользовавшаяся до этого для захоронений и выпаса скота. Здесь образовался торговый и политический центр государства – форум, соответствующий греческой агоре. На форуме появились общественные здания: курия – помещение для заседаний сената, регий – царский дом. Был отгорожен участок форума, предназначенный для проведения народных собраний – комиций. В городскую территорию был включен Капитолийский холм, на одной из вершин которого стояла крепость, а на другой были сосредоточены полисные святыни. В долине, отделявшей Палатин от другого холма, Авентина, при Тарквинии был построен цирк, получивший впоследствии название Цирка Величайшего. Рим начал вести активную внешнюю политику, воюя с латинами, сабинами и этрусскими государствами.

При преемнике Тарквиния Древнего Сервии Туллии (578–534 гг. до н. э.), зяте первого этрусского правителя, была осуществлена реформа, близкая по значению преобразованиям Солона. Плебеев включают в состав римского народа. Они получили право служить в легионе наравне с патрициями, занимая в военном строю место в соответствии со своим имущественным положением, а не происхождением. Все боеспособное мужское население делилось на пять классов (разрядов), каждому из которых полагался определенный вид вооружения: первому классу – тяжелое дорогостоящее наступательное и оборонительное оружие, второму – более легкое и дешевое, и так далее. Каждый из классов делил-

ся на центурии – военные единицы (дословно «сотня»). Всего насчитывалось 193 центурии, но первый класс, совместно с 18 центуриями всадников патрицианского происхождения выставлял больше центурий, чем все остальные классы, вместе взятые, – 98 центурий. Центурии одновременно были политическими единицами во вновь создаваемом народном собрании – центуриатных комициях. Таким образом, единодушие имущей верхушки гражданства означало возможность принятия решений без учета мнений менее обеспеченного населения. Неимущие граждане – сколько бы их в Риме ни было – входили в одну центурию «пролетариев», обладая всего лишь одним голосом.

Реформа Сервия Туллия укрепила государство в военном отношении, и Рим добивается господствующего положения в союзе латинских городов, окружается мощной крепостной стеной. Но патриции не простили царю-реформатору его уступок плебеям: он был убит, и на трон, без волеизъявления народа, взошел внук Тарквиния Древнего, отменивший все распоряжения Сервия Туллия. Чтобы никто не вспоминал о его законах, бронзовые таблицы, на которых они были записаны, расплавили. Вместо налогов по доходам Тарквиний Высокомерный (Гордый) ввел поголовную подать, душившую ростки предпринимательства – основу благосостояния общества. Догадываясь, какое ожесточение, ненависть вызовут эти меры, царь запретил все народные собрания, даже торги и некоторые религиозные церемонии, во время ко-

торых могло найти выход народное недовольство. В отличие от предшественников, Высокомерный не советовался с сенатом, сам объявлял и начинал войну, вступал в союзные отношения с другими государствами, самовольно распоряжался государственной казной. Подобно греческим тиранам, он преследовал родовую аристократию, патрициев, но попытался привлечь на свою сторону плебеев. Поэтому он без особых усилий был свергнут недовольными патрициями.

Легенда связала свержение Тарквиния с насилием, совершенным его сыном над знатной римлянкой Лукрецией. Муж Лукреции и его друзья, осаждавшие в составе римского войска один из городов латинов, ворвались в Рим, подняли народ и установили новую форму правления – республику, основу которой заложил своим законодательством Сервий Туллий.

Полис и колонизация. Полис был специфической формой государства античного мира. Древний Восток и эгейский мир полиса не знали, хотя на Востоке существовала внешне сходная форма – город-государство. Полис вырос из родоплеменной организации. В его структуре сохранялось деление на племена (греческие филы, римские трибы), фратрии и соответствующие им в римском мире курии и роды. Характеризуя устройство своего родного полиса, этрусской Мантуи, Вергилий писал:

Мантуя! Предками славишься ты, но не единого корня.

Корня имеешь ты три, по четыре племени в каждом.
Ты же сама их глава, сильная кровью этрусской.

Говоря «не единого корня», поэт имеет в виду то, что Мантуя состояла не из одних этрусков, но и из других племен (умбров, венетов?), подобно тому, как Рим, сильный «латинской кровью, объединял также сабинян и этрусков. Полис, таким образом, допускал соединение племен различного этнического происхождения, что нарушало первоначальное естественно сложившееся членение – по происхождению от единых предков.

Вырастая из родоплеменной организации, полис воспринимает такие ее элементы, как общинное землевладение и общинные формы жизни (народное собрание, совет старейшин), но преобразует их в соответствии с делением граждан по имущественному принципу и с задачами защиты собственности на землю – и общинной, и разрушающей ее частной.

Поначалу полисы – это островки в необозримом племенном море, которому они противостоят как внешне родственные, но по сути, чуждые образования. Порой племенной мир заливают полисы волнами вооруженных вторжений. Но без племенной периферии полисы не могут существовать, ибо она служит источником поступления сырья и рабочей силы и, что не менее существенно, воспринимает излишнее население полисов, способствуя разрешению чисто полисных

проблем.

Исходной причиной колонизации было появление в полисах избыточного населения, которое, не имея возможности прокормиться из-за нехватки земель для пахоты и выпаса скота, было обузой для гражданского общества. Прimitивные методы ведения хозяйства требовали оттока излишнего населения в районы обитания племен или внедрения на территорию уже сложившихся государственных образований.

Целью колонизации было освобождение от излишнего населения, освоение новых земель, но одновременно и решение проблем сбыта предметов ремесла, сырьевого обеспечения, прежде всего металлами, а также и рабочей силой – рабами. Аграрные и торговые интересы полисов, участвующих в колонизации, переплетались. Чисто сельскохозяйственные поселения в колонизованных районах зачастую превращались в развитые центры ремесла и торговли. И напротив, временные поселения торговцев становились сельскохозяйственными.

Основание Карфагена. Побережье страны, ныне именуемой Ливаном, в IX в. до н. э. населяли финикийцы, славившиеся своей предприимчивостью. Земли на узкой полоске, зажатой между морем и горами, не хватало не только для обработки, но и под строительство. Поэтому дома в финикийских городах Библе, Угарите, Тире и Сидоне лепились друг к другу и имели по многу этажей. Чтобы кормиться не

одной рыбой, которой были обильны эти воды, финикийцы наносили землю на склоны гор и на образовавшихся террасах сажали виноградные лозы и оливковые деревья. Нехватка плодородной земли заставляла заниматься ремеслом, а удобное расположение между Египтом и Малой Азией открывало возможности для торговли.

Знаменитые кедры ливанских высот служили уникальным материалом для строительства кораблей, приспособленных для дальних плаваний. Еще в XI в. до н. э. жители Тира основали колонию Гадес за Столпами Мелькарта, по соседству с богатым городом Тартессом или, как называли его иначе, Таршишем. Таршишские корабли доставляли в Финикию все, чем было богато побережье Ливии и Иберии – серебро, олово, красное дерево, чернокожих рабов. В середине IX в. до н. э. тиряне обосновали новую колонию Карт-Хадашт («Новый город») на полпути между Тиром и Гадесом, в землях, населенных нумидийцами. Впоследствии, став известным под названием Карфаген, Карт-Хадашт превратился в один из крупнейших центров Западного Средиземноморья.

Основание почти всех городов, как и в древности, становилось содержанием мифов. Рассказывали, что Карфаген основала сестра царя Тира Элисса, или Дидона, покинувшая родину из-за нанесенной ей жестокой обиды. Прибыв во владения нумидийского вождя, Элисса будто бы попросила продать ей участок земли, который можно покрыть бычьей шку-

рой. Вождь не отказал чужеземке в такой малости. Каково же было его удивление, когда он обнаружил, что пришельцы заняли весь холм, возвышавшийся над бухтой! Гнев охватил вождя, и он явился, чтобы прогнать обманщиков. Но финикийка, не смутившись, заявила, что условия договора не нарушены, и показала на оплетавшие холм ремни, нарезанные из шкуры быка. И ушел благородный вождь, беспомощно пожимая плечами.

Ядром Карфагена стала городская крепость. Ее стали называть Бирсой («шкура» по-гречески). В крепости появились царский дворец и великолепные храмы богам – покровителям нового города Мелькарту и Тинит. Под холмом вырыли огромную круглую яму и заполнили ее морской водой, пущенной по специально вырытому каналу. Образовалась внутренняя гавань, предназначенная для военных кораблей. Постепенно места в Бирсе стало не хватать, и перед портом, на плоской равнине полуострова возник «нижний город», где дома стали расти, как в метрополии, – вверх. Для того чтобы прокормить возрастающее население, у нумидийцев отняли долину реки Баград. Там разбили сады и виноградники. Оставшись без земель, нумидийцы пошли на службу к городу-государству, нуждавшемуся в крепких и сильных людях для ведения войн за морем. За службу в наемных отрядах нумидийцы получали жалованье, которое с горькой иронией называли «платой Элиссы».

Так расплатилась финикийка со свободолобивыми ну-

мидийцами за землю размером в бычью шкуру. Город начался с обмана. И поскольку на обмане долго не проживешь, он просуществовал только 668 лет, пока в 146 г. до н. э. не был разрушен римлянами.

Корабль причаливает к Питекуссе. В самом начале весны, когда, утихнув после зимних бурь, море становится доступным для дальних плаваний, к плоскому островку в обширном заливе, над которым высилась зеленая гора, подошло греческое пятидесятивесельное судно. Пришельцы вытащили на пустынный берег корабль и рассыпались в поисках пресной воды.

Видимо, больше всего их удивили стайки обезьян, перепрыгивающих с дерева на дерево. Конечно, обитатели города Халкиды, расположенного на острове Эвбея (а это было их судно), и раньше видели обезьян: их привозили в Халкиду из Египта и продавали за серебро. Но одно дело – обезьяна в клетке, другое – на воле. Потому и называли халкидяне остров, на котором решили обосноваться, Питекуссой, Обезьяньим островом («питекос» по-гречески – «обезьяна»). Точно так же, но на своем языке, называли его до греков и обитавшие по соседству на материке этруски – Инарима (по-этрусски обезьяна «арима»). Так, по рассказам древних историков и археологическим материалам, дополненным данными языка, рисуется появление первых греческих поселенцев в западных морях. Датируется оно на основании древнейших

погребений на островке (ныне называемом Искья) приблизительно 750 г. до н. э.

На огромном полуострове, который греки по самому могущественному из населявших его народов тирренам (этрускам) называли Тирренией, тогда еще не было ни одной греческой колонии. Не было греческих колоний и на примыкавшей к Тиррении Сицилии. Да и поселение халкидян у берегов Кампании еще не было колонией. Оно было тем, что в эпоху европейской колонизации XVI–XIX вв. назовут факторией, т. е. базой для торговли с местным населением во вновь открываемых странах. Сами же греки называли такие базы эмпориями.

Островки и их выгоды. Древнейшие греческие, как ранее и финикийские, эмпории возникали на островках. Островки обеспечивали переселенцам сравнительную безопасность от нападений местного населения и удобство торговых контактов. Если отношения с аборигенами налаживались, можно было перейти на материк, если нет – удалиться вместе с товарами восвояси. Выбор островка зависел от выгод, которые сулила торговля. Знаменитый финикийский Гадес возник на островке близ иберийской реки Бетис, сказочно богатой серебром, и на торговом пути к Британским островам, откуда доставляли необходимое для бронзовой металлургии олово. Эмпорий халкидян на Питекуссе находился в двух днях плавания от принадлежащего тирренам остро-

ва Эфалия, известного богатейшими месторождениями железа. Это было очень выгодно халкидянам, ибо их город был известным центром металлургического производства.

Кампания, близ которой возник эмпорий халкидян, была плодороднейшей частью Италии (говорили даже, что при разделе земель между народами боги сначала хотели оставить ее себе). Кампанцы обеспечивали поселенцев Обезьяньего острова всем необходимым. О том, что же шло в обмен на железо, зерно, лес, смолу и рабов, в которых нуждались эллины, известно благодаря археологическим исследованиям. В богатых могилах VII – первой половины VIII в. до н. э. не только в Кампании, но и близ городов этрусков и даже латинян находят ювелирные изделия греческой и финикийской работы. Все это, принадлежавшее при жизни вождям племен и родовой знати, поступало в Италию через Обезьяний остров. И не только товары. В первой половине VIII в. до н. э. сначала у этрусков, а затем и у других народов Италии – латинян, венетов, умбров – появляются первые надписи, выполненные алфавитным греческим письмом того типа, как ими пользовались халкидяне – основатели первого эмпория.

Римская легенда рассказывает, что в страну, управляемую двуликим Янусом, прибыл с востока корабль. Пришелец, назвавший себя Сатурном, попросил убежища, сообщив, что изгнан своим сыном Зевсом. Янус принял Сатурна и передал ему власть, сделав первым царем Италии. Царь Сатурн научил туземцев, косневших в дикости, всему, что знал сам, –

земледелию, виноградарству, оливководству, корабельному делу, грамоте. В честь Сатурна римляне учредили многодневное празднество, когда приостанавливались все общественные и частные дела, когда царило необузданное веселье, когда рабы в память о золотом веке Сатурна освобождались от работ, а школьники – от занятий.

Раскопки на Искье (Инариме, Питекуссе) показали, что «корабль Сатурна» причалил к Питекуссе.

Первая колония на Западе. Ни тиррены, ни варвары, обитавшие под зеленым тогда Везувием, не предупредили халкидян, что эти места чаще других потрясает своим трезубцем колебатель земли Посейдон, которого здесь именовали Нептуном. После одной из вспышек беспричинного гнева или, может быть, забавы великого бога, не оставившей на острове невредимым ни одного дома, халкидяне решили переселиться на материк.

Это было, кажется, через поколение после того, как эвбейский корабль впервые пристал к берегу Питекуссы. Не пожалев для вождя и его дружины вина, халкидяне сумели приобрести пустовавшую на побережье землю и приступить к строительству города, который получил название Кумы, может быть, потому, как считали некоторые из древних авторов, что скалистый и открытый ветрам соседний берег открывал зрелище вздымающихся волн («кумата» – по-гречески «волна»). Кумы очень скоро превратились в крупный

центр, чьи торговые пути проникали вплоть до северных земель Этрурии и Лация и внутренних горных районов Кампании.

Вслед за Кумами начиная с последней трети VII в. до н. э. на берега Южной Италии и Сицилии выводят свои колонии многие балканские города, страдавшие от перенаселенности или просто нуждавшиеся в новых рынках. Самые знаменитые из них – Сиракузы, основанные в 735 г. до н. э., Сибарис, основанный в Южной Италии между 720 и 710 гг. до н. э. ахейцами, Кротон (710 г. до н. э.). Вскоре некоторые из этих колоний основывают дочерние колонии. Со временем отдельные из них намного опережают свои метрополии по богатству и благоустройству.

На берегах Понта Эвксинского. В Черном море в VIII–VII вв. до н. э. у эллинов фактически не было соперников: проливы находились в их руках и были закрыты для финикийцев и других морских народов древности. Недаром это море, называвшееся когда-то Понтом Аксинским (Негостеприимным), было переименовано после освоения берегов пришельцами в Понт Эвксинский (Гостеприимный). Однако здесь колонистов ожидали трудности. В море почти не было островов, и это создавало неудобства для мореходов, не любивших терять из виду сушу. Берега заселяли народы, гораздо более могущественные, чем в Западном Средиземноморье. Мысль о подчинении этих народов казалась не менее

дикой, чем сами эти народы. Впоследствии обитатели северных степей скифы нанесли поражение персидскому царю царей с его огромным войском. Горцы Таврики (Крыма) хотя не были столь могущественны, как скифы, но вызывали у греков не меньший ужас: рассказывали, будто они каждого высадившегося на берег чужеземца приносят в жертву своей богине Деве, которую греки отождествили с Артемидой.

Первыми преодолели страх перед местными варварами переселенцы Милета. Они высадились на небольшом острове на северном берегу Понта Эвксинского, которому, как и протекавшей по материку могучей реке, дали имя Борисфен (Днепр). Вскоре, освоившись, переселенцы перебрались на противоположный берег материка и основали там город. Само название его – Ольвия, по-гречески «Счастливая» – должно было защитить их от превратностей судьбы и свирепости варваров.

Местоположение Ольвии было чрезвычайно выгодным. С моря в лиман, на берегу которого располагалась колония, подходили корабли как из самой Греции, так и из Таврики, с берегов Меотиды (Азовского моря) и Колхиды. По Борисфену и Гипанису (Бугу) везли на лодках, барках, плотам все, что произрастало в степях и что могли дать леса. И шумело под стенами Ольвии торжище, подобного которому не было нигде в Греции. Ведь прибывший из какого-нибудь греческого города любознательный путешественник, наподобие будущего историка Геродота, мог, прогуливаясь мимо помо-

ста, на котором были выставлены на продажу рабы, увидеть представителей всех народов, заселяющих Европу до самого Северного моря, – агафирсов, в стране которых будто бы с неба, как из вспоротой подушки, сыплются перья, каллипидов, ничем по виду не отличающихся от скифов, но питающихся хлебом, луком и чесноком, каких-то варваров белолицых и голубоглазых, но в черных как вороново крыло одеяниях, обитателей непроходимых лесов буддинов, каких-то совершенно лысых людей, не то от рождения, не то лишенных волос за прегрешения перед богами.

Впущенный в ворота, он мог не без удивления заметить, что город, прилепившийся к варварскому берегу наподобие ракушки, сохранил образ жизни своих основателей. Ольвиополиты одевались, ели и пили то же, что их сородичи в Милете, почитали в храмах отчих богов, а также героя Ахилла, который будто бы поселился по соседству, на сказочном Белом острове. Они участвовали в народных собраниях и выбирали должностных лиц, к ужасу порой посещавших город варваров, обнаженными катались на песке, пели хором гимны богам и знали наизусть Гомера, который никогда не слышал даже о скифах, а считал всех обитателей этих степей киммерийцами.

Полис на парусах. Наряду с обычной схемой основания колоний возникали и особые варианты. В середине VI в. до н. э. персы, покорив славившуюся своими богатствами Ли-

дию, начали продвигаться по Эгейскому побережью Малой Азии. Один за другим греческие полисы попадали в их руки. Не желая разделять их судьбу, обитатели процветающей торговой Фокеи решили оставить свои дома, храмы и земли, чтобы обосноваться где-нибудь подальше от персов. Выйдя в море, они бросили в пучину массивный кусок железа и поклялись не возвращаться, пока железо не всплывет. Корабли взяли курс на запад, и около 600 г. до н. э. в землях лигуров фокейцы основали первую колонию – Массилию (ныне Марсель).

Уникальность ситуации заключалась в том, что на поиски новых мест обитания отправилось все гражданство, метрополия. Месяц с лишним потребовался им для преодоления расстояния от берегов Малой Азии до Апеннинского полуострова. За это время они убедились, что эллины не горят желанием пригласить их на пустующие земли поблизости от своих городов. И тогда фокейцы решили осесть на острове, населенном одними варварами на Корсике, и там, возле речушки Алалия, начали строительство Новой Фокеи. Но и на Корсике не обрели они покоя. Появление конкурентов насторожило этруско-тирренов, считавших себя единственными хозяевами моря, недаром получившего их имя Тирренское. Объединенными усилиями этрусков и их союзников в борьбе с эллинами карфагенян фокейцы в кровопролитном сражении при Алалии понесли существенный урон. И хотя этрускам рано было торжествовать победу, фокейцы

решили не искушать судьбу и вновь поднялись на корабли. На этот раз счастье улыбнулось им, и на юге Италии, неподалеку от колонии Сибариса Посейдонии, возник фокейский город Элея, вскоре ставший не только процветающим торговым центром, но и средоточием философской мысли Западной Греции.

Этруская колонизация. В VIII–VI вв. до н. э. на Апеннинском полуострове колонизация осуществлялась не только эллинами (здесь их называли греками⁴). Этрускам, создавшим в это же время между реками Тибр и Арно свои полисы, также стало не хватать земли, да и торговые интересы толкали их на освоение новых территорий. Этруская колонизация, в отличие от греческой, была, как правило, сухопутной, хотя народ этот считался одним из самых прославленных морских народов, обладавших могущественным флотом.

Продвигаясь долинами рек, этруски уже с VII в. до н. э. стали основывать города в землях латинов, лигуров, умбров, венетов и других италийских племен. Главными артериями первой волны этрусской колонизации стали Тибр и Арно с их притоками. Выходя за пределы собственно этрусской территории, этрусские метрополии, объединенные в союз двенадцати городов, приступили к освоению долины самой полноводной из рек Италии – Пада.

⁴ От обитавшего в западной части Балканского полуострова народа граиков.

Первым шагом на север был выход на правобережье Арно, где на высоких холмах был основан город Фезулы. Впоследствии здесь уже римляне заложили Флоренцию. Двигаясь дальше на север, этруски основывали Фельсину, переименованную римлянами в Бононию (современная Болонья). При впадении в Пад его притока возникла Мантуя. Среди этруских колоний были два приморских города – Адрия, давшая имя Адриатическому морю, и несколько южнее – Спина.

Города Северной Италии объединялись в двенадцатиградье, подобное тому, какое существовало в собственно Этрурии. Объединение было необходимо не из страха перед местными племенами венетов и лигуров, которые не были опасны прекрасно вооруженным этрускам, – сплоченность требовалась для борьбы с многочисленными кельтскими племенами (галлами), вторгавшимися в Северную Италию начиная с VII в. до н. э. Видимо, центром сопротивления стала Мантуя, защищенная водными преградами. Впоследствии Мантую стали считать главой северного двенадцатиградья.

Двигались этрусские колонисты и в южном направлении. Одно время и Рим, тогда еще незначительный город, был под властью этруских царей. На юге этруски проникли в богатейшую часть Италии – Кампанию, на побережье которой к моменту их появления уже существовала греческая колония Кумы. В непосредственной близости от Кум появилась этрусская Капуя, вскоре ставшая самым крупным из городов Кампании, а также Помпеи, Геркуланум и другие города.

Дружественные отношения сложились у этрусков с Сибарисом. Договор о союзе этрусков с этим могущественным городом, заключенный перед лицом таких неподкупных свидетелей, как боги, и торжественно переданный на хранение в храм Зевса Олимпийского, был не так давно найден археологами. Разрушение Сибариса в 510 г. до н. э. было ударом и по этрускам. Потеряв союзника, этрусские города Южной Италии не смогли противиться экономическому натиску карфагенян с моря и движению горных племен Центральной Италии с суши.

Финикийско-карфагенские колонии Сицилии. В то время как в Южной Италии в сложный клубок столкновений и союзов сплетались взаимоотношения эллинских и этрусских городов-государств, еще южнее сталкивались интересы эллинов и карфагенян, стремившихся к обладанию самым крупным и самым плодородным из островов Средиземноморья – Сицилией.

Финикийцы появились здесь несколько раньше и заняли островки и мысы вокруг Сицилии, откуда они вели торговлю с местными племенами. Появление эллинов заставило их потесниться, сосредоточившись по Западному побережью. С этого времени эллины для карфагенян стали главным врагом. Был даже установлен закон, по которому за изучение языка эллинов полагалась... смертная казнь.

Лучше всего, благодаря раскопкам, известно, как выгля-

дела первая из финикийско-карфагенских колоний в этом районе – возникшая в начале VIII в. до н. э. Моция, жители которой не сменили, подобно большинству их соотечественников, свой островок на берег Сицилии. Город имел искусственную гавань, дававшую безопасность судам в любую погоду. Вдоль широкой улицы располагались дома и святилища. Большое число художественных изделий, обнаруженных в городе, показало, что это был крупный центр ремесленно-художественного производства. Особенно интересны маски из терракоты – целая серия масок богини Астарты и какого-то мужского божества с глазами в виде лунных серпов и растянутым в широкой улыбке ртом.

Как и все финикийские города, Моция имела кладбище для принесенных в жертву младенцев. Такие кладбища, вернее, ритуальные святилища, называли тофетами. Античные авторы не раз сообщали о существовавшем у финикийцев бесчеловечном ритуале принесения младенцев в жертву. Найденный в Моции тофет благодаря своей хорошей сохранности впервые показал невероятные масштабы жестокого ритуала... Обнаружены сотни амфор с обгоревшими костями младенцев в возрасте от нескольких дней до нескольких недель. Над покоящимися в земле остродонными амфорами высились небольшие стелы с изображением то Астарты, то мужской фигуры в высокой тиаре, то барана с лунным серпом над ним.

На другом крупном острове Центрального Средиземно-

морья, Сардинии, тоже возникли сначала эмпории, а затем и колонии финикийцев и карфагенян. Там тоже обнаружили тофеты, подтверждавшие масштабность погребального обряда. И вместе с тем из раскопок на острове узнали, что не всегда карфагеняне ограничивались прибрежными поселениями: была найдена крепость в четырех километрах от берега – на вершине холма, на основании древнего нурага, окруженная крепкими стенами, она явно была возведена для защиты прибрежных районов от воинственных горцев Сардинии. Небольшой гарнизон размещался здесь вместе с семьями. В крепости было все, что финикиец или карфагенянин считал необходимым для нормальной жизни, – свое кладбище, свой храм, свой тофет, в котором, несмотря на малочисленность гарнизона, было найдено около сотни высившихся над могилами стел, свои мастерские, где производились и необходимая в быту посуда, и художественные изделия из бронзы и кости.

Через много столетий после начала колонизации Западного Средиземноморья великий римский оратор Цицерон увидел в ней греческую кайму, пришитую к поле варварского одеяния. Однако кайма стала греческой далеко не сразу, а после длительного соперничества между морскими народами – эллинами, финикийцами-карфагенянами и этрусками, каждый из которых стремился овладеть торговыми путями, и прежде всего проливами, а также гаванями поблизости от месторождений серебра, золота и железа.

Тексты

1. МЕТРОПОЛИЯ И КОЛОНИЯ

Постановление народного собрания Опунта. Надпись

В Навпакт выводится колония на следующих условиях. Жителю, ставшему гражданином Навпакта, при посещении его прежнего города дозволяется на правах человека, связанного гостеприимством, участвовать в общественной жизни и совершать жертвоприношения <...> Переселенцы пусть не платят подати, пока снова не станут жителями [метрополии]. Если кто пожелает вернуться, пусть ему разрешается беспопытное возвращение на условиях оставления у домашнего очага взрослого сына или брата <...>

1. Переселяющиеся в Навпакт пусть принесут клятву не отпадать от опунтийцев ни в коем случае. Да будет дозволено, если пожелают, по истечении тридцати лет после этой присяги ста гражданам Навпакта от опунтийцев, а также ста опунтийцам от навпактян требовать новой присяги.

2. Всякий колонист, выехавший из Навпакта, не уплатив подати, теряет права гражданства [в колонии], пока не уплатит того, что причитается навпактянам.

2. СОЛОН О СВОИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ ПОЛИСА

Какой же я из тех задач не выполнил,
Во имя коих я тогда сплотил народ?
О том всех лучше перед Времени судом
Сказать могла б из олимпийцев высшая
Мать черная Земля, с которой снял тогда
Столбов поставленных я много долговых,
Рабыня прежде, ныне же свободная.
На родину, в Афины, богоданный град,
В рабство проданных вернул я многих,
Кто кривдой, кто по праву, от нужды иных
Безвыходной бежавших, уж забывших речь
Аттическую – странников таков удел, —
Иных еще, в позорном рабстве бывших здесь
И трепетавших перед прихотью господ;
Всех я освободил. А этого достиг
Закона властью, силу с правдой сочетаю.
И так исполнил все я, как и обещал.
Со знатными простых в законах уравниваю,
Для каждого прямую правду указав <...>
Затем-то, на борьбу все мужество собрав,
Я, точно волк, вертелся среди стаи псов.

Глава V

От родоплеменных верований к полисной религии и мифологии

Религия – спутница всех без исключения цивилизаций и их духовная сущность, связанная со всеми сторонами жизни и ими обусловленная. По различию религий древних египтян, шумеров, хананеев, индийцев, китайцев от религии народов античного круга земель мы можем судить об античности как о цивилизации, обладавшей особым, неповторимым обликом. Но при этом религия Востока была неиссякаемым резервуаром, из которого постоянно на протяжении всей истории Древнего мира черпались идеи, учения, образы, преобразуясь в соответствии с античной этнической средой и потребностями общественной организации.

Восточное влияние явственно уже в предантичную эпоху, в столетия развития минойской и микенской культур. После «Темных веков» религиозная ситуация на Балканах и островах Эгейского моря сильно изменилась. Богам и героям, почитаемым пеласгами и ахейцами, пришлось потесниться, так же как и их почитателям, впустив в свою среду примитивных божков не знавших городской жизни завоевателей. Менее пострадали от вторжений и скорее оправались от их последствий ионийцы Малой Азии. Именно там возникли пер-

вые полисы и их религиозное объединение двенадцатиградье, покровителем которого считался Посейдон. Там же выявила себя Мнемозина, которую на Балканах почти вытравили дорийские завоеватели. Именно там возник исторический эпос, создатель которого уже в первой строке обращается к дочери Мнемозины Музе:

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...

Эпос не только возвысил ионийских богов над божествами коренных обитателей Малой Азии, но и поднял их авторитет к высотам Олимпа над полисами и племенами материковой и островной Греции, а по мере развития колонизации – и всего круга земель. «Илиада» и «Одиссея», лишённые и тени религиозного догматизма, заняли место священных книг Востока, а их герои Ахилл, Диомед, Одиссей стали для воинов-завоевателей и мореплавателей своего рода моделями, по образу и подобию которых они лепили свои характеры. Описанные Гомером, а после него Гесиодом Зевс, Афина, Аполлон, музы, витая над переселенцами, обращали в свою веру и варваров, вытесняя или преобразовывая их божков и духов.

Формирование каждой из главных религий античного мира греческой, этрусской, римско-италийской – сложный и длительный процесс, зависевший от множества не совпадающих факторов, и поэтому они должны быть рассмотрены

по отдельности.

Двенадцать олимпийцев. То, что мы называем греческой религией и мифологией, – это комплекс представлений, преданий и легенд, сложившихся на территории Балканского полуострова, островов Эгейского моря и Западного побережья Малой Азии, духовное и культурное наследие не только греческих племен (ахейцев, ионийцев, эолийцев, дорийцев), но и негреческих народностей – пеласгов, тирренов, фракийцев, карийцев, лидийцев, минойцев, а также финикийцев, в начале II тысячелетия до н. э. колонизовавших ряд островов Эгейского моря. Отсюда необычайное разнообразие культовых предписаний и представлений о богах, равно как и размах ареала распространения греческих мифов.

Представления о богах были такими же зыбкими, как и их образы. Они прошли вместе со своими почитателями долгий путь, уходящий корнями в мир первобытности, не знавший отношений господства – подчинения и мысливший сверхъестественные силы по образу и подобию родовых коллективов – как нерасчлененные множества. Греческие мифы запечатлели в образах историю освоения человеком окружающей среды и познания им своего места в ней.

В религии и мифах отразились изменения, внесенные в жизнь обитателей круга земель переселением народов XII–XI вв. до н. э. и крушением микенских царств. Культ Великой Богини-Матери уступает место культу патриархаль-

ного владыки, Бога-Отца, на роль которого претендуют Посейдон, более почитаемый в микенскую эпоху, и его соперник Зевс. В конце концов в сознании греков побеждает Зевс, которому отдается власть над всеми богами и богинями. Резиденцией Зевса и всего семейства богов мыслится гора Олимп. Имя «Олимп» носило около десятка гор, но владением Зевса стала одна из них – на северной границе Греции, та, которую пришлось преодолевать народам-завоевателям. Согласно мифу, по переделу власти между богами Посейдону отдается море, и в господство над ним и его обитателями Зевс не вмешивается.

В образе Посейдона явны черты древнесредиземноморского бога-быка, а в богинях, переселившиеся на Олимп, – следы его бывшей супруги коровы. Так, супругу Зевса Геру, первоначально покровительницу Аргона, называли «волококой», а соперница ее Ио превращалась в телку. Гера в греческой мифологии – богиня – покровительница брака и семейной жизни, строго карающая нарушителей супружеской верности. Первоначально Гера покровительствовала суровому обряду перехода молодежи в брачный возраст – инициациям. Эти испытания нашли отражение в подвигах Геракла, само имя которого означает «прославляющий Геру». По мере того как смысл инициаций становился неясен, Гера переосмысливается в неутомимую преследовательницу Геракла, сына Зевса от земной ее соперницы.

Сестра Посейдона и Зевса Деметра не могла участвовать в

переделе мира между богами, поскольку она – Мать-Земля и супруга (сначала Посейдона, а затем Зевса), великая владычица природы. Превращение Зевса во владыку Олимпа отеснило Деметру, и некоторые ее функции были восприняты новой супругой, Герой, и ее «дочерьми» и «падчерицами». Оставшись без супруга, Деметра отдала всю свою любовь и привязанность единственной дочери Персефоне, ежегодно умирающей и воскресающей богине растительности, супругом которой миф делает бога Аида, брата Зевса, Посейдона и Деметры.

Представления о его царстве, подземном мире, возникли из наблюдений за спутницей жизни, ее вечной тенью – смертью. Первоначально человек полагал, что душа умершего обитает там, где и ее оболочка (тело), – на месте погребения или в утробах зверей и птиц, поедающих труп. Затем, когда стали верить в небесных богов, появилась вера и в своеобразный «подземный Олимп» для подземных богов смерти и подвластных им душ мертвых. Отделенные от тел души сами или в сопровождении духов – слуг и спутников смерти спускались в один из провалов в земле и оказывались перед Стиксом, подземной рекой, девять раз опоясывающей землю. При переправе душе приходилось рассчитывать на помощь старца Харона, сына Ночи, владеющего черным челном. Сесть в него могла душа, заплатившая выкуп. Поэтому мертвецу вкладывали в рот мелкую монету – обол. За рекой смерти, как и в домах богатых людей, опасаящихся за свое

добро, появился злобный сторожевой пес Цербер, с тремя головами, виляющий хвостом перед входящими и злобно набрасывающийся на выходящих. Сам Аид мыслился могучим мужем, восседающим на троне. В зимние месяцы года рядом с ним находилась Персефона. На остальные месяцы он отпускал ее на землю.

К Аиду первоначально был близок бог подземного огня Гефест, почитавшийся в местах, близких к действующим вулканам. Объявленный сыном Зевса и Геры, он, согласно мифу, был поднят младенцем на Олимп. Вызвав у матери отвращение, он был сброшен ею на землю, упал в море, был воспитан в подземном гроте дочерьми морского старца Нерея – nereидами, овладел мастерством кузнеца и вернулся во всеоружии на Олимп, где Гера отдала ему в жены самую привлекательную из богинь – Афродиту.

Афродита, богиня чувственной любви и любовного очарования, – дочь Зевса и океаниды Дионы. По другой версии, она возникла из упавшего в море семени бога неба Урана, образовавшего пену. Как и многие олимпийские богини, в греческой религии Афродита – пришелица. Недаром главное место ее почитания – остров Кипр, рано заселенный финикийцами. Здесь, в городе Пафосе, находился храм Афродиты. Отсюда прозвища Афродиты Киприда, Пафия, Пафосская богиня. О восточном происхождении Афродиты говорит история ее страсти к прекрасному смертному юноше Адонису, само имя которого имеет финикийское проис-

хождение и означает «господин». Он почитался на Востоке как умирающее и воскресающее божество растительности. Видимо, прообразом Афродиты была финикийская богиня любви и плодородия Астарта.

Как богиня любви, Афродита имела множество возлюбленных – и среди богов, и среди смертных. На Олимпе это был сын Зевса и Геры Арес, бог беспощадной, неистовой брани, тайный соперник трудолюбивого Гефеста: Гефест создавал, Арес уничтожал. Согласно мифу, рассказанному Гомером, Гефесту как-то удалось поймать Ареса и свою супругу в невидимые, хитро сплетенные сети. По другому мифу, Арес был, к радости стремящихся к миру людей, схвачен двумя великанами и брошен в темницу, но пробыл в ней всего лишь тринадцать месяцев. После его вызволения из заточения войны на земле не прекращались.

Более всех Ареса ненавидела на Олимпе Афина, почитавшаяся микенцами как Атана, а в полисную эпоху более всего обитателями Аттики, избежавшей дорийского завоевания. В облике Афины явственны черты покровительницы городской жизни и мирного труда. Афина была богиней честной, справедливой войны. Равная силой и мудростью Зевсу, Афина – главная его помощница в битве с неугомонным поколением старых богов – титанами. Первоначально одна из Великих Богинь-Матерей, поздним мифом Афина превращена в девственницу и дочь Зевса, родившуюся из его головы. Афине приписывалось создание культуры земледелия, при-

ручение диких животных, обращение к занятию ремеслами и кораблестроению. Примечательно, что за власть над Аттикой Афина соперничает с Посейдоном, первоначально богом пресных, а затем соленых вод.

Гомер называет Афину «совоокой». Сова считалась священной птицей Афины. Имеются сведения о ее почитании в облике змеи.

Культ Афины в большей мере, чем почитание других олимпийских богов, был культом культуры в ее наивысших материальных и духовных достижениях. И город, получивший ее имя, стал средоточием культуры.

В столетия формирования мифов человеческие поселения с участками, пригодными для земледелия, были островками в море лесов, покрывавших горы. Из лесов приходили хищники, нападавшие на домашних животных и уничтожавшие посевы. Но и люди охотились на диких животных и птиц, служивших им пищей. Человек разумный был человеком убивающим, но он еще не был настолько безрассуден, чтобы считать себя господином дикой природы. Он был уверен, что над зверьем властвует владычица зверей, и тот, кто посягает на жизнь ее тварей, обязан ей и должен делиться с ней частью охотничьей добычи.

Богиней дикой природы греки в эпоху формирования олимпийской религии стали считать Артемиду, дочь Зевса и Латоны. Но множество прозвищ этой богини – Браврония, Таврогения, Ифигения и др. – заставляют думать, что едва

ли не каждый лесной массив имел свою собственную покровительницу диких зверей, не являющуюся ничьей дочерью, и лишь потом эти локальные божества скооперировались в образ Великой Богини.

Священными животными Артемиды были медведица и лань. В Аттике жрицы Артемиды Бравронии надевали медвежьи шкуры и, неуклюже переваливаясь с ноги на ногу, исполняли пляску медведей. Артемиде приносили в жертву лань, но первоначально она принимала в жертву и девушек (отголоском этого обряда был рассказ о жертвоприношении дочери Агамемнона Ифигении перед походом на Трою).

Наибольшим авторитетом в аристократических кругах VIII–VI вв. до н. э. пользовался жестокий и надменный бог Аполлон, заимствованный ионийцами у местного населения Малой Азии (в «Илиаде» Аполлон – покровитель Трои). Он очень рано вошел в греческий пантеон и получил свой собственный Олимп в Дельфах (Средняя Греция), где, согласно мифу, сверг и обезвредил чудовищного дракона (пифона), присвоив себе его древнейшее имя Пифий. С такой же жестокостью Аполлон обошелся с сатиром Марсием, содрав с него кожу, и с богом Гермесом, у которого отнял лиру. Это позволило ему стать покровителем искусства и предводителем муз. И поскольку именно аристократы возглавляли освоение колоний, для решения всех связанных с колонизацией вопросов обращались к нему и его помощнице – пифии, жрице и прорицательнице. Аполлон считался покрови-

телем сказителей и музыкантов, пользовавшихся материальной поддержкой аристократов.

Волчья жестокость сближала Аполлона с Артемидой, также почитавшейся большими любителями охоты аристократами. Аполлон и Артемида, первоначально не имевшие друг с другом ничего общего, «породнились» и стали считаться близнецами, появившимися у возлюбленной Зевса Латоны на острове Делос. На самом же деле древнейшие святилища Аполлона находились в Малой Азии.

Среди земледельцев, особенно виноделов, пользовался почитанием бог Дионис, матерью которого считалась фригийка Семела (Земля), а отцом Зевс. Согласно мифу, после смерти матери, погубленной Герой, Дионис был доношен Зевсом и отдан на воспитание нимфам (речным девам) в Нису (куда-то на Восток). В мифе о странствиях Диониса по всему миру отражен факт распространения виноградарства и виноделия – культуры, первоначально чуждой Европе. Враждебность земледельцев к аристократам и их богу Аполлону запечатлена в мифе о превращении напавших на Диониса разбойников в дельфинов. Дельфин же привел Аполлона в Дельфы, откуда и эпитет бога – Дельфиний.

Идеи дионисийства противостояли олимпийскому порядку и соответствующей ему организации государства, согласно которой народ должен подчиняться аристократам, считавшим себя потомками богов. Принятие Диониса на Олимп было выражением достигнутого в период образования поли-

са компромисса между аристократией и низшими слоями населения.

К олимпийским богам был причислен и древний покровитель пастухов Гермес, которого стали считать сыном Зевса и плеяды Майи. Воплощением Гермеса считалась куча камней, каменные столбы у дверей и ворот. Как носитель мудрости и тайных знаний о мире, он мыслился и проводником душ в Аид. В своей дальнейшей эволюции быстрый и расторопный Гермес превращается в бога гонцов и бога торговли, а также покровителя воров.

Таковы двенадцать олимпийских богов. Каждый из них воплощает сложный комплекс представлений, сложившихся в ходе многовекового развития греческого народа и его соприкосновения с другими народами. Помимо этого, образы богов и богинь переплавлялись в горниле творческих талантов и вбирали в себя философские представления, господствовавшие в разные эпохи истории античности. Зевс Гомера – это далеко не то же самое, что Зевс Гесиода, греческих драматургов и тем более философов.

Мифы о богах и героях. То, что высших богов было двенадцать, выражало присущее многим народам древности представление об идеальной структуре космоса (двенадцать знаков зодиака, двенадцать месяцев года и, соответственно этому, двенадцатиградье). Но сам состав двенадцати богов был во многом случайным и, во всяком случае, необъясни-

мым. Ведь помимо этих двенадцати грекам были известны многие сотни других богов, и десятки из них не уступали по значению олимпийским избранникам. Были боги, изгнанные с Олимпа, в том числе родители олимпийцев – боги и демоны, первоначально более могущественные, чем они, но ставшие их помощниками и слугами.

Греческие мифы объясняли происхождение отдельных богов, повествовали об их приключениях и отношениях друг с другом. И, поскольку за богами стояли силы и явления природы, греческая мифология как система отражала представления о космосе в развитии, как они складывались и изменялись на протяжении веков. Мифы объясняли место в космосе человечества, взгляды на его развитие, на проделанный им путь.

Часть мифов рассказывала о любовных отношениях богов со смертными женщинами и богинь со смертными мужчинами, о рождении полубогов – героев. В понятие «герой» вкладывалось не только благородное божественное происхождение, но и высокое общественное положение. В герое воплощались все воинские доблести. Силой он был почти равен богам, мог вступить с ними в бой, ранить и обратить в бегство. Герой оставлял после себя погребальный холм, героон, – свидетельство его посмертной славы и место культа. Эти герооны сохранялись и почитались во многих районах Греции, при этом герооны одних и тех же героев появлялись в разных, далеко отстоящих друг от друга местах. Это свя-

зано с тщеславием аристократических родов, нуждавшихся в вещественном подтверждении своего полубожественного происхождения.

Многие герои не были историческими лицами и носили имена, производные от названия племени, например от ионийцев получил имя Ион, от эолийцев – Эол. Столь же фиктивны были родословные – перечни предков, соединяющие существовавшие в полисную эпоху аристократические роды с героями и их божественными отцами и матерями. Но эти родословными очень дорожили, поскольку они не только обеспечивали почет их обладателям, но и обосновывали права владения землей.

Политизация мифов. Греческая мифология чрезвычайно увлекательна не только своими сюжетами, но и их полисным переосмыслением. Людям античного мира неважно было заменять мифы микенских времен и еще более отдаленной древности полисными мифами: переосмысленные старые мифы становились на службу новым общественным прослойкам.

Особенно показательным переосмыслением «биографии» Тесея, героя города Трезен, расположенного на противоположном Афинам берегу Маронического залива. Афиняне в период экспансии на морях и образования морской державы остро ощущали отсутствие героя, который мог бы оправдать направленность их политики. Как назло, ни один из героев

аттической мифологии, мифических царей, связанных с акрополем Афин, к этой роли не подходил. И пришлось «додумать» миф о трезенском герое Тесея, генеалогически связанном не с покровительницей Афин Афиной, а с ее соперником в борьбе за обладание Аттикой Посейдоном. И тогда в Афинах появился миф, будто у Тесея, кроме божественного отца, был отец смертный – афинский царь Эгей, сошедшийся с трезенской царевной Эфрой в ту же ночь, что и Посейдон. После этого оставалось направить Тесея в Афины будто бы в поисках родителя, связать его трезенскую биографию с судьбой Афин и отдать вместе с афинскими юношами и девушками на съедение критскому чудовищу Минотавру – быку Миноса. Тесей спасает юных афинян и афинянок, уничтожает флот царя Миноса и по пути на новую родину посещает как раз те острова, на которые претендовали Афины. Возвратившись в Афины, он невольно, по рассеянности, становится причиной гибели Эгея, который бросается в море, получившее название Эгейского. Время переосмысления образа Тесея афинянами совпадает с периодом образования Афинской морской державы.

Был переосмыслен миф и о дорийском герое Геракле. Первоначально деяния Геракла вписывались в репертуар обрядов испытания молодежи, которыми в Арголиде ведала богиня Гера, как в других частях Греции Артемида. Испытания выявляли силу и находчивость юноши в схватке с дикими обитателями суши, воды и неба. Юноша должен был

продемонстрировать умение сражаться с оружием в руках и без него в сложных и разнообразных природных условиях, показать силу рук, ног, принести руководительнице испытаний убитое животное, и только после этого он мог добавить к имени, данному ему при рождении отцом, почетное прозвище Геракл – прославивший Геру.

География древнейших «деяний» Геракла ограничивалась Арголой, затем – Пелопоннесом. С началом великой греческой колонизации, в которой активнейшее участие принимали дорийские полисы Коринф и Мегара, Гераклу и его подвигам стал открыт весь круг земель. При этом осваивали они прежде всего западное направление, ибо древнейшие дорийские колонии были основаны в Сицилии и Южной Италии. На западе главными соперниками дорийских колонистов были финикийцы, почитавшие Мелькарта. Проявив чисто дорийскую агрессивность, Геракл присвоил финикийские мифы об освоении Запада, а также дал свое имя проливу, соединяющему Внутреннее море с Океаном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.